

ФАРИДАД-ДИН
АТТАР

فرید الدین
محمد عطار

شیخ صنعان

Шейх Санаан

فرید الدین محمد عطار
شیخ صنعان

Фарид ад-Дин Мухаммад Аттар

«Шейх Санаан»

Перевод с персидского

Москва
«Номос»
2006 год

УДК 821.221.1

ББК 84(0)4

Аттар, Фарид ад-Дин Мухаммад.

Шейх Санаан: Пер. с персидского. — М.: Номос, 2006. — 96 с.

Шейх Фарид ад-Дин Аттар — духовный наставник и блистательный поэт, живший в XII веке. В данном издании публикуется перевод самостоятельного по значению фрагмента известной поэмы Аттара «Язык птиц», одной из жемчужин персидской литературы. «Шейх Санаан» — повесть о суфийском шейхе, влюбившемся в девушку-христианку. Эта история стала настолько популярной в Азии, что её сюжет на протяжении веков кочевал из одного поэтического сборника в другой. Но эта же история любви, написанная немного архаичным для нас, но живым языком обычного общения, может погрузить вдумчивого читателя в удивительный мир Аттара — духовного практика и помочь в создании собственных внутренних ориентиров.

Книга представляет интерес для культурологов, историков религий, филологов и для всех читателей, интересующихся историей духовной культуры.

Перевод с персидского: Мостафа Борзуи, Салим Гилязутдинов

Редактор: О.Т. Брушлинская

Подготовка персидского текста изданию: Мостафа Борзуи

Оформление обложки: А. Никулин

Оригинал-макет: А. Кораблин

Издание книги осуществлено при поддержке

АНО «Институт культуры состояний»

ISBN 0-922792-81-X

© «Номос», 2006

Жизнь Аттара

Об Аттаре написано много. Мы полагаем необходимым в этом кратком предисловии к переводу привести лишь ограниченные сведения, оставляя читателю возможность более обстоятельно изучить и тексты, и биографию этого удивительного автора, опираясь на работы исследователей-профессионалов.

В среде историков и литературоведов принято считать, что его имя — Мухаммад. В некоторых произведениях¹ Аттар и сам говорит об этом: «Меня Мухаммадом зовут, и этот путь прошел я, как Мухаммад,² о дорогой читатель!». Этим же именем называет его отец, благословляя сына перед своей смертью: «В час последний так сказал он, благородный: «О Боже, благослови Мухаммада!»,³ — так рассказывает об этом Аттар в «Асрар наме». По обычаю тех мест и того времени, его звали также Абу Хамед, то есть отец Хамеда. Но более он известен как «Аттар», что означает в переводе «продающий духи, благовония и лечебные травы». Аттар действительно изучал медицину и впоследствии занимался врачеванием, принимая в день до восьмисот больных и назначая им лечение травами.

Отец Аттара, Ибрахим Бен Исаак, происходил из селения Кадкан в местности Зарванд, что неподалеку от иранского города Нишапура. Он пользовался известностью и уважением среди односельчан. Существуют данные о его близости к суфийским кругам. Точные даты рождения и смерти его сына, Абу Хамеда ибн Абу Бакра Ибрахима Аттара, не установлены. Среди исследователей нет согласия на этот счёт, как нет единой точки зрения и о числе литературных произ-

ведений, оставленных Аттаром. По мнению профессора Форузанфара,⁴ Аттар родился в 540 г. по хиджре (1119 г. по Р.Х.) в том же селении Кадкан и погиб во время первого монгольского нашествия на Иран.⁵

Время яркой и насыщенной событиями жизни Аттара пришлось на период монгольских завоеваний. До варварского разграбления Нишапура монголами этот город по праву славился лучшими школами и другими учебными заведениями того времени. В них преподавали арабскую литературу, основы шариата, историю, химию, математику, медицину и астрономию. Одним из таких известных, даже знаменитых, учебных заведений было «Низами»,⁶ в котором учился Аттар,⁷ а ещё раньше из его стен вышли такие великие поэты и учёные, как Фирдоуси и Хайям, Хадже Туси⁸ и Хасан ибн Али Низам-аль-Мульк, Абу Хамид аль-Газали и другие.

Первым учителем Аттара стал шейх Хамзе, у которого он проходил стажировку по арабскому языку и шариату. Юноша успешно осваивал материал, и шейх Хамзе рекомендовал отцу Аттара отдать его в религиозную школу — медресе. Там Аттар, наряду с арабским языком, обучался фикху,⁹ логике, началам дисциплины ирфан¹⁰ и другим наукам. Постепенно Аттар погрузился в изучение персидской литературы и её структуры. Одновременно он увлёкся медициной, знакомился с наукой о травах и их лечебных свойствах. Здесь, видимо, сказалось влияние отца, который был специалистом в этой области.

Таким образом, в юности Аттару посчастливилось получить разностороннее образование, которое в его время справедливо считалось блестящим. Аттар усва-

ивал науки значительно быстрее других учеников, опережая их и в накоплении знаний, и в умении применять их на практике. В пятнадцать лет он уже хорошо владел арабским, знал арабскую литературу и начал детально изучать хадисы — рассказы о деяниях и словах пророка Мухаммада.

Монголы, овладевавшие в то время всё новыми странами и насаждавшие в них свои порядки, уже приближались к границам Ирана. Отец Аттара, пытаясь и обезопасить сына, и дать толчок дальнейшему его образованию, направил его в Индию с одним из своих верных друзей — индийским коммерсантом, в сопровождении вооружённой охраны. Тот проводил молодого человека до пределов Индии и при первой же возможности в городе Пенджаб передал его в руки тамошнего ученого и врача Пирана Рази, индийского перса, по вероисповеданию зороастрийца. При первой же встрече Пиран сказал своему новому воспитаннику: «Сын мой, надо поверить в то, что Господь сотворил любое существо не зря. Люди, животные и растения созданы Богом, и у каждого из них есть некое свойство. Мастерство человека заключается в том, чтобы раскрывать эти тайны и применять в жизни особую науку, связанную с этими свойствами». Эти слова остались в памяти Аттара навсегда — так глубоко он вдруг понял их значение.

Жизнь в доме нового наставника оказалась нелёгкой: Аттару пришлось много трудиться, а условия его ученического существования были более чем скромные. Под наблюдением учителя он усердно осваивал основы медицины, навещал вместе с ним больных, овладевая секретами врачебной практики. Уже через

три года Аттар стал умелым лекарем, и Пиран Рази торжественно ему заявил: «Я передал тебе все свои знания, мне больше нечему тебя учить». Обрадованный Аттар, полный надежд и устремлений, свойственных юности, решил вернуться домой. Он обратился к надёжному другу своего отца, индийскому торговцу Паркашу, с просьбой помочь ему уехать на родину. Но в тот же день в лавке Паркаша он встретил девушку, по имени Ахде Джыхань, говорившую на фарси. За несколько минут разговора Аттар был так очарован собеседницей, что забыл о том, что хотел как можно быстрее возвратиться в Иран. Оказалось, что девушка — дочь Алямшаха Рази, брата его учителя медицины. При ходатайстве Пирана Рази молодой человек попросил руки девушки и получил согласие. Какое-то время молодая чета жила в Пенджабе, но довольно скоро Аттар вновь стал подумывать о возвращении на родину — вероятно, не последнюю роль здесь сыграло то, что браки между мусульманами и зороастрийцами среди того клана индийских персов, к которому принадлежала Ахде Джыхань, были редким явлением.

Аттар вместе с юной женой вернулся в Нишапур. Образованность, красноречие, разносторонние способности и поэтическая натура за короткое время принесли Аттару признание окружающих. К тому же он был ещё молод, не испытывал нужды, и рядом с ним была очаровательная, желанная супруга. Аттар в полной мере испытал обычное, земное счастье, что в таком возрасте случается далеко не со всеми. Скоро он стал отцом, Господь подарил ему сына и дочь.

В этот период отец как-то направил Аттара пожить в одной из ханака.¹¹ Аттару там не понравилось,

и он вернулся к прежней весёлой жизни со своей любимой женой и детьми. Миновало пять лет — и судьба показала ему своё второе, жестокое лицо. Жена его заболела неизлечимой болезнью и в 566 г. по хиджре (1145 г. по Р.Х.) скончалась. Аттар очень тяжело переживал потерю, и не исключено, что под влиянием этого события характер его творчества, его философские взгляды, как и вся его дальнейшая жизнь, кардинально изменились.

Опасаясь за здоровье и душевное состояние сына, отец Аттара повёл его к шейху Сааоддину Аболфазлу ибн Рабибу. С первых минут встречи Аттар был поражён тем, какое глубокое уважение и почтение его отец выказывал шейху. Он спросил шейха: «Как можно приблизиться к Богу?». Шейх ответил: «Во-первых, выполняй все религиозные обязанности, не совершая запретного. Во-вторых, никого из людей, будь то молодые или старики, дети или взрослые, мусульмане или немусульмане, арабы или персы, не считай ниже себя. Учись служить всем людям». Сказанное шейхом, как и вся атмосфера встречи, произвели на Аттара глубокое впечатление. В тот же день, возвращаясь домой, он поприветствовал служанку.

С тех пор он стал регулярно посещать ханаку этого шейха. Здесь, в общении с шейхом и его окружением, ему был дарован первый духовный опыт. Не удивительно, что именно в этот период жизни у Аттара развились и укрепились его мистические взгляды на человека и мир. После этого Аттар, избравший духовную практику главным делом своей жизни, проходил различные этапы суфийского духовного пути. Через некоторое время он заслужил прозвание Фарид ад-

Дин, что означает «единственный в религии», однако он сам всегда предпочитал имя Аттар.

В жизнеописаниях Аттара, как и в любых других жизнеописаниях, будь то биографии Ибн Сины или Омара Хайяма, легенды и реальные события переплетены так, что правду не отличить от вымысла. Это касается и исторических подробностей обыденной жизни Аттара, и особых рассказов, показывающих его духовный статус и духовные способности. Широко известен сюжет об обращении Аттара. Однажды он, как обычно, торговал в своей лавке. К нему подошёл дервиш с просьбой о милостыне. Аттар отказал. Дервиш упрекнул Аттара: «Как ты будешь умирать?» В ответ Аттар спросил: «А ты как будешь умирать?» Дервиш положил свою деревянную чашку под голову, произнес имя Аллаха и умер. Поражённый Аттар пошёл в ханака к шейху Рокнеддину Аккафу, при нём покаялся и навсегда избрал для себя аскетический образ жизни.

Совсем другая история о начале его духовного пути относится к ритуалу получения Аттаром хирки.¹² В суфийской традиции этот ритуал означал, что шейх признаёт послушника, дервиша достойным вести самостоятельную проповедь и собирать учеников. Эту историю приводит Джамии,¹³ сообщая, что Аттар получил хирку из рук шейха Мадждоддина Багдади. Сам же Аттар в своих произведениях упоминает шейха Рокнеддина, говоря об их внутренней связи, возникшей при личном знакомстве. Однако, по мнению профессора Форузанфара, Рокнеддин Аккаф, улем и аскет, не был суфием. Не существует ни одного достоверного свидетельства современников о его

принадлежности к суфийским кругам. Наконец, Рокнеддин Аккаф скончался в 549 г. хиджры, когда Аттар был ещё ребенком. Мадждоддин Багдади был убит в 613–616 г. хиджры, и упоминание Давлатшаха¹⁴ об Аттаре, где также говорится, что «шейх Фарид ад-Дин получил священную хирку из рук царя влюбленных и гордости павших — шейха Мадждоддина Багдади», видимо, ближе к истине.

Далее Джами пишет об Аттаре так: «...Некоторые сказали, что он был сторонником Увайса». Современник пророка Мухаммада Увайс Герани,¹⁵ по общему признанию, был суфием и прошёл суфийский путь до конца, но, несмотря на всю его любовь к пророку, ему так и не удалось встретиться с ним. Поэтому в последующих периодах суфии, которые не выбрали себе наставника, но пользовались их духовными системами, какое-то время назывались «увайси», то есть сторонниками, последователями Увайса. Джами уделяет внимание этим деталям, так как особый жанр жизнеописаний суфиев, развившийся в законченную литературную форму уже во времена Ансари¹⁶ и Худжвири,¹⁷ требовал чёткого указания на линию духовной преемственности.

Сам Аттар, также составивший одно из ранних подобных жизнеописаний, с особой почтительностью выделяет Абу Саида Аби'ль-Хайра¹⁸ и его современника Мансура Халладжа, обвинённого из-за своих мистических взглядов в ереси и казнённого. Не исключено, что и свою жизнь Аттар строил по Абу Саиду. Вот одно из четверостиший¹⁹ Аттара, посвящённое этому шейху:

*Всё, что в глубине души своей найду,
Являющее смысл миров обоим мне,
И слава, что я обрету, заметны
Лишь благодаря дыханию Абу Саида.*

Мансуру Халладжу, его воззрениям и трагической гибели Аттар в своей книге «Тазкарат ол-аулийа», которая и является вышеупомянутым сборником жизнеописаний святых, посвятил целый раздел. Афлаки пишет:²⁰ «Мауляна²¹ сказал, что свет Мансура Халладжа после ста пятидесяти лет после его ухода осветил душу Аттара, и Мансур стал его наставником».

Время, в которое сформировался Фарид ад-Дин Аттар, было достаточно сложным для исламской духовной традиции. Перед лицом опасности экстериоризации непостижимой жизни души и подмены внутренних ориентиров вторичными, внешними факторами лучшие умы того периода противостояли — каждый по-своему — и рационалистической философии, набравшей тогда силу в мусульманском мире, и сузившейся до предела исламской догматике. И эти, и внешние по отношению к исламскому миру причины действовали так, что обесценивались и даже осуждались любые попытки обрести индивидуальный духовный опыт. Аттар был хорошо знаком с идеями и построениями Фараби, Ибн Сины, Муллы Садра и многих других видных мыслителей своего времени. Следуя примеру аль-Газали, он использовал обширную риторическую, литературную и философскую базу, чтобы полемизировать с философами рационалистического направления и побуждать читателя к духовной практике, которая только и представляла цен-

ность для самого Аттара. «Стань человеком религии и обладателем тайн, отвернись от философского воображения», — пишет он в «Мосибат наме». Абу Хамид аль-Газали действовал отточенным языком философского и богословского дискурса, Аттар же бросал вызов времени своей поэзией и художественной прозой.

Поэт и суфий говорили в нём, питали и поддерживали друг друга, хотя его опубликованные произведения, конечно же, имеют некие ограничения из-за принципов, которым следовал суфий. В частности, Аттар крайне редко упоминает о себе. В отличие от Низами и многих других поэтов, всегда начинающих свои произведения славословиями в адрес шахов и эмиров, Аттар никого из правителей также не упоминает в начале своих поэм. За редким исключением он говорит о власти имущих в конце — как было принято в ту пору. К слову, отсутствие ссылок на современников — одна из причин, по которой сложно определить, где начало и конец поэм Аттара и какова их последовательность.

Перу Аттара приписывают большое количество произведений, и единого мнения об их авторстве у исследователей, как уже отмечалось, нет. Профессор Саид Нафиси²² изучил более шестидесяти поэм, автором которых считают Аттара, и по его мнению, только две из них (одна — известный текст «Панд наме») действительно написаны Аттаром. С Нафиси согласен Мухаммад Хуссейн Форути, однако профессор Форузанфар ставит под сомнение авторство Аттара. Придерживаясь более осторожной и выверенной точки зрения Форузанфара, можно с высокой степенью вероятности сказать, что Аттар является автором шести

поэм («Мосибат наме», «Элахи наме», «Асрар наме», «Хосров наме», «Мохтар наме», «Мантик ат-тайр») и сборника стихов.

Одно из самых известных произведений Атгара — «Тазкарат ол-аулийа». В его первой части — семьдесят пять разделов, во второй — двадцать пять. Каждый раздел начинается описанием жизни великих святых и суфиев. Первая часть заканчивается пространным рассказом о жизни и гибели Халладжа. «Тазкарат ол-аулийа», написанный изысканной прозой, — поистине жемчужина персидской литературы.

Профессор Форузанфар, проделав огромную исследовательскую работу с целью выяснить хронологическую последовательность появления произведений Атгара, полагает, что сначала была создана «Мантик ат-тайр» в 4458 бейтах, потом «Элахи наме» в 6511 бейтах, затем «Мосибат наме» в 7535 бейтах, «Асрар наме» в 3300 бейтах и, наконец, «Хосров наме» в 7837 бейтах. Известно, что сам Аттар среди всех рубаи особо отмечал «Мохтар наме», которое он сочинил в 5000 бейтах. Им было составлено значительное количество текстов, но большинство своих сборников и черновики Аттар регулярно либо предавал огню, либо бросал в воду.

Стихотворный сборник Атгара, в который входят газели и касыды, содержит более 9943 бейтов. Таким образом, общее количество их у него — 44590. Авторство Атгара распространяют также на целый ряд известных поэм, например, — «Мазхароаладжаб» («Воплощение чуда»), «Лесанолгейб» («Язык тайн»), «Джухаролзат» («Суд Истины»), «Оштор наме» («Рассказы верблюда»), «Лейли и Маджнун», не говоря уже о десятках других произведений, которые, как извес-

тно, принадлежат не ему. Саид Нафиси отмечает, что существовало несколько поэтов, также носивших имя Аттар, и одним из них был Аттар-е-Туни, также прозванный Фарид ад-Дин.

Краткое содержание некоторых произведений Аттара:

«*Мосибат наме*», مصیبت نامه

«*Книга скорби*». Поэт, провозгласив благодарность Господу, воздав хвалу пророку Мухаммаду, четырём праведным халифам, а также Хасану и Хуссейну, внукам пророка, перечисляет и разъясняет сто одну стоянку на суфийском пути и особую терминологию, с ними связанную, начиная с простейших правил и принципов. Далее он объясняет ценность и важность поэзии. «*Мосибат наме*» состоит из сорока статей. В каждой из них поэт по-разному стремится укрепить дух человека, отважившегося отправиться на поиск Бога и Истины.

«*Элахи наме*», الهی نامه

«*Рассказы о Божественном*». Это символическая история об одном эмире, у которого было шестеро сыновей. Все они были благородны, все знали «науки» своего времени. Однажды отец, собрав сыновей, спросил об их жизненных целях и устремлениях. Услышав ответы, он понимает, что их желания не выходят за пределы земных радостей. Отец пытается показать им всю тщету их устремлений, но сыновья не соглашаются. С помощью различных рассказов, многие из которых обладают потрясающей силой воздействия и множественными оттенками смысла, Аттар, вкладывая в уста эмира свои собственные мысли, выстра-

ивает систему ценностей, имеющую вертикальное измерение.

«*Асрар наме*», اسرار نامه

«*Книга тайн*». Эта книга — только об ирфане. В ней 22 раздела. Первая часть целиком посвящена принципу единобожия; вторая — Пророку ислама; третья — сподвижникам Пророка и их благочестию; четвёртая — положению человека во Вселенной. Человека отличает способность к речи, познанию и обучению и ещё более важная способность — к сознательному обретению своей настоящей судьбы. «Уберите эти качества, оставьте только пять чувств, — говорит Аттар, — и после этого любой зверь сравнится с человеком. Человек только тогда оправдывает своё звание, когда поднимает голову от череды желаний, связанных с материальными благами, и устремляется к духовному миру. В этом случае у него появляется шанс понять своё предназначение и реализовать его».

«*Мантик ат-тайр*», منطق الطير

«*Язык птиц*».²³ Эту знаменитую поэму можно считать во многих отношениях лучшим произведением Аттара. Сюжет её прост, он выстроен вокруг истории о путешествии птиц, которые захотели отыскать своего короля, легендарного Симурга, и эта аллегория отсылает к историям о реальных духовных странствиях людей, объединившихся во имя совместного поиска Истины. Возможно, Аттар сочинил «Мантик ат-тайр» под влиянием Ибн Сины или аль-Газали, так как у каждого из этих авторов есть аналогичные рассказы о путешествиях птиц. Но высокая художественность поэмы, великолепная точность выражения мысли, поэтическое

красноречие делают «Мантик ат-тайр» совершенно самостоятельным произведением. Поэму принято называть дидактической, так как она действительно содержит множество напоминаний вступившим на мистический путь о том, к каким чертам собственного облика следует относиться с особой осторожностью. Но даже отдельно взятый отрывок о Санаане, перевод которого мы публикуем, имеет настолько специфический ситуационный и смысловой рисунок, что назидательным его трудно назвать, для него скорее подходит определение «инспирирующий». Он одновременно и чрезвычайно прост, и очень запутан, а рекомендации, иногда вроде и даваемые нам автором, часто не допускают буквального исполнения, требуя внутренней активности для выработки собственного метода.

Рассказ о Санаане, самый длинный в поэме, начинается с того, что шейх Санаан видит тревожный сон, в котором он совершает необъяснимые и недозволенные поступки. Шейх обеспокоен: и в своих глазах, и в глазах учеников он обладает высоким статусом, или — в терминологии суфиев того времени — пребывает на высокой стоянке. Во сне Санаан так сильно увлечён некой девушкой, что даже начинает добиваться её взаимности. Для Санаана, пытающегося понять символику сновидения, это свидетельствует о том, что он пребывает в заблуждении относительно своей истинной стоянки и что ему предстоят тяжёлые испытания. Однако шейх считает делом чести не избегать трудностей и направляется в христианскую Византию (Рум), чтобы узнать точное толкование сна. Аттар проводит своего героя через цепочку испытаний — шейх, достигший преклонного возраста, влюбляется, как ветреный юноша, в

девушку и, на первый взгляд, ничего не может противопоставить своему чувству. Затем шейх, принуждаемый христианкой, отрекается от ислама и принимает христианство; у него нет денег на свадебный подарок возлюбленной — и он должен пасти свиней по её требованию целый год. Влюблённого пира покидают его мюриды, а весь Рум обсуждает его историю...

Искусство автора, с которым он создаёт особый контекст восприятия этого сюжета, поразительно. С одной стороны, Аттар помещает читателя в зону мощного, утончённого мистического влияния, а с другой — напоминает ему, что нет для человека никаких шансов обрести свой путь без простоты, серьёзности и открытости, свойственных лишь дружеским отношениям (Аттар посылает своему герою единственного друга, который и помогает — милостью Божьей — своему наставнику, Санаану).

Конечно, безо всякого знакомства, даже поверхностного, с исламской традицией, с суфийскими системами воспитания история о Санаане вряд ли может быть расшифрована и превращена в практическое руководство. Но для любого вдумчивого читателя — это и поэтическое свидетельство удивительного разнообразия форм, в которых может передаваться мистическая традиция, и призыв к трансцендированию любых форм. Или, иными словами, это свидетельство о мире, из которого вытекают, прежде чем затвердеть, любые формы, и к огню которого, видимо, был причастен сам Аттар.

Каждое произведение Аттара — это собрание разных поучительных, коротких или длинных, рассказов, охватывающих широкий круг мистико-суфийских и социально-культурных тем.

Как уже говорилось, Аттар жил во времена нашествия монголов на Иран. Есть несколько преданий о гибели Аттара, и во всех повествуется о том, что он погиб от рук завоевателей. Одна из самых распространённых легенд²⁴ такова. При осаде Нишапура монголами зять Чингисхана был убит. В отместку по приказу завоевателя почти всех жителей города и даже домашних животных, собак и кошек, вырезали. По городу пустили воду, и в течение семи дней она безостановочно текла по улицам. Дочь Чингисхана приказала, чтобы из всех пленных оставили в живых только сорок самых авторитетных учёных. Одним из них оказался Аттар, которому на тот момент шёл уже восьмой десяток лет. Отряд пленных отправили в Туркестан. Аттар так бранил монголов по дороге, что конвойные, обозлившись, решили его примерно наказать: привязали к хвосту лошади и пустили её бежать. В этот момент к монголам подошёл какой-то старик и попросил не добивать пленника, а продать ему в рабство за мешочек золота. Аттар заявил монголу: «Не продавай меня, я сттью намного дороже». Но когда другой человек подошёл к монголу и попросил продать пленника уже за мешок шелухи, Аттар сказал: «Продавай меня, больше этого за меня не выручишь». Взбешённый монгол нанёс Аттару смертельный удар кинжалом в живот. Так ушёл из жизни блистательный поэт и утончённый мистик Фарид ад-Дин Мухаммад Ибрахим Аттар из Нишапура. Принято считать, что это произошло в 619²⁵ году хиджры (в 1198 году по Р.Х.).

Мостафа Борзуи

شیخ صنعان

شیخ صنعان پی‌رعهده خوبی‌ش بود
در کمال از هرچ گوی‌م بی‌ش بود
شیخ بود او در حرم پنجاه سال
با مری‌د چارصد صاحب کمال
هر مری‌دی کان او بود ای عجب
می‌نی‌اسود از ریاضت روز و شب
هم عمل هم علم با هم ی‌ار داشت
هم عی‌ان هم کشف هم اسرار داشت
قرب پنجه حج بجای آورده بود
عمره عمری بود تا می‌کرده بود
خود صلوٰه و صوم بی‌حد داشت او
هی‌چ سنت را فرو نگذاشت او
پی‌شوای‌انی که درپی‌ش آمدند
پی‌ش او از خوبی‌ش بی‌خوبی‌ش آمدند
موی می‌بشکافت مرد معنوی
در کرامات و مقامات قوی
هرک بی‌ماری و سستی ی‌افتی
از دم او تن درستی ی‌افتی
خلق را فی‌الجمله در شادی و غم
مقتدای‌ی بود در عالم علم
گرچه خود را قدوه‌ی اصحاب دی‌د
چند شب او هم چنان در خواب دی‌د

Шейх Санаан

Шейх Санаан был пиром²⁶ своего века,
Познаниями превосходил он всех.

Полвека был он шейхом в Каабе,²⁷
Окружали его четыреста учёных мюридов.²⁸

Любой из них мог удивить
Своим воздержанием и ночью, и днём.

Деяния шейха были равны его знаниям
И в явном, и в сокрытом, и в раскрытии тайн.

Пятьдесят раз совершил он хаджж²⁹
И всю свою жизнь совершал 'умру.³⁰

Читал он молитвы и держал пост без меры,
Всегда и во всём следовал Сунне.³¹

Предводители,³² бывшие до Санаана,
Терялись пред ним, навещая его.³³

Волос мог расщепить — настолько был мудр!
В карамате и макамате³⁴ силён.

Одним своим дуновеньем он
Прогнать мог болезнь, недуг исцелить.

И в горе, и в радости люди находили опору
В его удивительной мудрости.

Хотя себя вождём асхабов³⁵ видел шейх,
Несколько ночей один сон ему снился:

کز حرم در رومش افتادی مقام
سجده می کردی بتی را بر دوام
چون بدیدی این خواب بی دار جهان
گفت دردا و دریغای این زمان
یوسف توفیق در چاه افتاد
عقبه‌ی دشوار در راه افتاد
من ندانم تا ازین غم جان برم
ترک جان گفتم اگر ای مان برم
نیست ی‌ک تن بر همه روی زمین
کو ندارد عقبه‌ای در ره چینی
گر کنند آن عقبه قطع این جایگاه
راه روشن گرددش تا پی‌شگاه
ور بماند در پس آن عقبه باز
در عقوبت ره شود بر وی دراز
آخر الامر آن ی‌گانه اوستاد
با مری‌دان گفت کارم افتاد
می‌بباید رفت سوی روم زود
تا شود تدبیر این معلوم زود
چار صد مرد مری‌د معتبر
پی‌روی کردند با او در سفر
می‌شدند از کعبه تا اقصای روم
طوف می‌کردند سر تا پای روم
از قضا دیدند عالی منظری
بر سر منظر نشستند دختری

Будто из Каабы перенёсся он в Рум,³⁶ где
Денно и ночью бил поклоны возлюбленной.

Когда понял свой сон бодрствующий мудрец,
Промолвил: «Какая боль! Увы, пришло время

Утратить достигнутое, оно рухнет, как Йусуф³⁷ в колодец!
На пути возник трудный склон.

Не знаю, переживу ли предстоящую беду,
Ведь если веру отдам — умру.

Нет никого на этой земле, кому
На такой склон ступить надлежит».

Если преодолеть сложную часть дороги вовремя,
До самой цели ясным останется путь.

Избегая препятствий,
Не минуешь наказания: длиннее станет путь.

Подумав, тот несравненный учитель
Мюридам сказал: «У меня есть дело:

Поторопимся же двинуться в сторону Рума,
Я должен узнать толкование сна».

И вслед за шейхом отправились в Рум
Четыреста благородных мюридов.

Все они добрались до пределов Рума,
Исходили этот край вдоль и поперёк.

Набрели однажды на прекрасный дворец,
Приметили девушку, сидевшую у окна.

دختری ترسا و روحانی صفت
در ره روح الله‌اش صد معرفت
بر سپهر حسن در برج جلال
آفتابی بود اما بی‌زوال
آفتاب از رشک عکس روی او
زردتر از عاشقان در کوی او
هرکه دل در زلف آن دلدار بست
از خیال زلف او زنار بست
هرکه جان بر لعل آن دلبر نهاد
پای در ره نانهاده سر نهاد
چون صبا از زلف او مشکین شدی
روم از آن هندو صفت پر چین شدی
هر دو چشمش فتنه‌ی عشاق بود
هر دو ابروی‌ش به خوبی طاق بود
چون نظر بر روی عشاق او فکند
جان به دست غمزه با طاق او فکند
ابروی‌ش بر ماه طاقی بسته بود
مردمی بر طاق او بنشسته بود
مردم چشمش چو کردی مردمی
صد کردی جان صد آدمی
روی او در زیر زلف تاب دار
بود آتش پاره‌ی بس آب دار
لعل سی‌ریش جهانی تشنه داشت
نرگس مستش هزاران دشنه داشت

Девушка – христианка, одухотворённая.
Сто познаний лежит на пути души³⁸ к Богу.

С башни торжества в небе красоты
Светила она солнцем, но не заходящим.

Солнце, от зависти к свету её лика,
Пожелтело сильнее лиц влюблённых на её улице.

Тот, кто возжелал её алых губ,
Не успев насладиться, складывал голову;

Влюбляясь в кудри красавицы,
Завязывал зуннар,³⁹ мечтая о них.

Когда утренний ветер разносил мускусный аромат её кудрей,
Даже Индия и Китай тушевались перед Румом.

Глаза её – соблазн влюблённых,
Изгиб бровей восхитителен.

Лишь окинет взором лица влюблённых,
От взгляда её они души теряют.

Глаза её окружены аркой бровей,
А каждая – словно серп полумесяца.

Поманит одним нежным взглядом этот ловчий –
И сотнями летят в его силки птицы.

Её лицо, прикрытое кудрями,
Лучилось, сияло, как пламя,

Алый плод её губ влёт своей влагой.
Но пьянящие глаза окружены тысячей клинков –

هر که سوی چشمه او تشنه شد
در دلش هر مژه ای چون دشنه شد
گفت را چون بر دهانش ره نبود
از دهانش هر که گفت آگه نبود
همچو چشم سوزنی شکل دهانش
بسته زناری چو زلفش بر می‌اناش
چاه سی‌می‌ن در زنخدان داشت او
همچو عی‌سی در سخن آن داشت او
صد هزاران دل چو یوسف غرق خون
اوفتاده در چه او سرنگون
گوهری خورشیدی‌دوش در موی داشت
برقعی شعر سی‌ه بر روی داشت
دختر ترسا چو برقع بر گرفت
بند بند شیخ آتش در گرفت
چون نمود از زیر برقع روی خوی‌ش
بست صد زنارش از یک موی خوی‌ش
گرچه شیخ آنجا نظر در پیش کرد
عشق ترسا زاده کارخوی‌ش کرد
شد دلش از دست و در پای اوفتاد
جای آتش بود و برجای اوفتاد
هرچ بودش سر به سر نابود شد
ز آتش سودا دلش چون دود شد
عشق دختر کرد غارت جان او
کفر ریخت از زلف بر ای‌مان او

Глядящему в них с жаждой
Кинжал ресниц она в сердце вонзает.

Пока не приоткроет уста для беседы,
Об этих устах ничего не узнают:

Тонкие губы — точно игольное ушко.
Пояс перехвачен косой, словно зуннаром.

Речь её благоуханна, как у Исы.⁴⁰
На подбородке серебряная ямочка,

Тысячи раненных сердец, влюбленных в неё,
Падали в эту ямочку, как Йусуф в колодец.

Вуаль чёрных волос прикрывала лицо,
А в них сверкал жемчуг солнца.

Лишь слегка она сдвинула вуаль —
Тело шейха огонь охватил;

А совсем открыла лицо —
Повязала сотней зуннаров из одного волоса;

Хотя шейх и отвел тогда взгляд,
Любовь совершила ей предназначенное:

Загорелась под ногами шейха земля,
Потерял он себя и в пламя упал.

Всё, что имел, уничтожилось,
От жара влечения сердце его задымилось.

Выкрала девушка сердце у шейха,
Полилось неверие из её локонов на веру шейха.

شیخ ایمان داد و ترسایى خرید
عاقبت بفروخت رسوایى خرید
عشق برجان و دل او چیر گشت
تا ز دل نومی دوز جان سیر گشت
گفت چون دین رفت چه جای دلست
عشق ترسازاده کاری مشکل است
چون مری دانش چینی دیندند زار
جمله دانستند کافتادست کار
سر به سر در کار او حیران شدند
سرنگون گشتند و سرگردان شدند
پند دادندش بسی سودی نبود
بودنی چون بود به بودی نبود
هرک پندش داد فرمان می نبرد
زانک دردش هیچ درمان می نبرد
عاشق آشفته فرمان کی برد
درد درمان سوز درمان کی برد
بود تا شب همچنان روز دراز
چشم بر منظر، دهانش مانده باز
هر چراغی کان شب اختر درگرفت
از دل آن پیر غم خور درگرفت
عشق او آن شب یکی صد بی ش شد
لاجرم یک بارگی بی خویش شد
هم دل از خود هم ز عالم برگرفت
خاک بر سر کرد و ماتم درگرفت

Шейх свою веру отдал — и христианство купил.
Продав благочестие — позор приобрёл.

Любовь покорила его душу и сердце.
Настолько разочаровало его сердце, что готов он был умереть.

Сказал: «Раз веру утратил, что мне до сердца?
Трудно выдержать любовь к христианке».

Увидев его плачевное состояние,
Мюриды поняли: нагрянула беда.

Переполнило их изумление,
Подкралась растерянность и овладела умами.

Долго просили они шейха одуматься, но всё зря.
Советовали разное — не было проку.

Ничьим призывам шейх не внимал,
Боль его была неизлечимой.

Разве страсть влюбленного укротишь?
Разве боль его не сожжёт все лекарства?

Просидел шейх до ночи весь долгий день:
Взора от дворца не отводит, а рот разинут.

Каждая звезда, всходившая в ту ночь,
Возгоралась от сердца того несчастного старца.

Его любовь в ту ночь возросла в сотни раз,
И внезапно рассудок он совсем потерял.

Сердце оторвал от себя и от мира,
Загрустил, посыпал голову прахом.

ی‌ک دمش نه خواب بود و نه قرار
می‌طیبد از عشق و می‌نالی‌د زار
گفت ی‌ا رب امشبم را روز نی‌ست
ی‌ا مگر شمع فلک را سوز نی‌ست
در ریاضت بوده‌ام شبها بسی
خود نشان ندهد چنی‌ن شبها کسی
همچو شمع از سوختن تا بم نماند
بر جگر جز خون دل آبم نماند
همچو شمع از تفت و سوزم می‌کشند
شب همی‌سوزند و روزم می‌کشند
جمله شب در خون دل چون مانده‌ام
پای تا سر غرقه در خون مانده‌ام
هر دم از شب صد شبی‌خون بگذرد
می‌ندانم روز خود چون بگذرد
هر که رای‌ک شب چنی‌ن روزی بود
روز و شب کارش جگر سوزی بود
روز و شب بسی‌ار در تب بوده‌ام
من به روز خوی‌ش امشب بوده‌ام
کار من روزی که می‌پرداختند
از برای ای‌ن شبم می‌ساختند
ی‌ا رب امشب را نخواهد بود روز
شمع گردون را نخواهد بود سوز
ی‌ا رب ای‌ن چندی‌ن علامت امشبست
ی‌ا مگر روز قی‌امت امشبست

Ни на миг от любви не уснул,
Всё томился и жалобно плакал.

Думал: «О Боже, эта ночь бесконечна,
Неужели погасло небесное светило?»

Я провел в воздержании много ночей,
Но такой никогда не испытывал.

Сгорел, как свеча, нет больше света,
В печени нет воды — только кровь сердца.⁴¹

Как свечу, убивали горением и светом,
Ночью палили, а днем потушили.

Всю ночь подвергаюсь я нападениям,⁴²
Залит кровью из ран с ног до головы.

Каждый миг ночи приносит сто вылазок!
Предчувствую, каков будет день.

У любого, кому после такого дня выпадет подобная ночь,
Печень вспыхнет и будет гореть сутками.

Пребывая в горячке ночью и днём,
В эту ночь обрёл я свой день.⁴³

В день, когда меня сотворили,
Только для этой ночи создан был я.

О Боже, эту ночь уже не сменит день,
Не возродится светоч небосвода.

О Боже, сколько же знаков⁴⁴ в этой ночи?
Или День Воскресения⁴⁵ наступил этой ночью?

ی از آهم شمع گردون مرده شد
ی از شرم دلبرم در پرده شد
شب دراز است و سیه چون موی او
ورنه صد ره مردمی بی روی او
می بسوزم امشب از سودای عشق
می ندارم طاقت غوغای عشق
عمر کو تا وصف غم خواری کنم
ی با به کام خویشتن زاری کنم
صبر کو تا پای در دامن کشم
ی با چو مردان رطل مردافکن کشم
بخت کو تا عزم بی داری کند
ی با مرا در عشق او یاری کند
عقل کو تا علم در پیش آورم
ی با به حیلت عقل در پیش آورم
دست کو تا خاک ره بر سر کنم
ی از زیر خاک و خون سر برکنم
پای کو تا بازجویی کوی یار
چشم کو تا بازبینم روی یار
یار کو تا دل دهد در یک غم
دست کو تا دست گیری یک دم
زور کو تا ناله و زاری کنم
هوش کو تا ساز هشیاری کنم
رفت عقل و رفت صبر و رفت یار
این چه عشق است این چه درد است این چه کار

Или от моего вздоха угас светоч небосвода?
Или так посрамлён он ликом любимой моей, что скрыли его
завесой?

Хорошо, что ночь длинна и черна, словно её волосы,
Иначе сто раз уже умер бы, не видя её лица.

Совсем сгорю я от страсти,
Нет сил усмирить бунт любви.

Где молодость, чтобы годами описывать несчастье
И жаловаться на свою судьбу?

Где выдержка мужа, чтоб скрыть свои чувства
И осушить бокал крепкого вина?

Где удача, чтобы я пробудился
И добился ответной любви?

Где разум, чтобы я вернул себе знание,
И какой хитростью возвратить мне его?

Где рука, чтобы посыпать голову пылью дороги⁴⁶
Или чтоб из-под земли и крови вытащить голову?

Где ноги, чтобы пройти на улицу любимой,
Где глаза, чтобы увидеть лицо её?!

Где любимая, чтоб сердцем отозвалась на боль,
Где друг, чтоб руку подал хоть на миг?

Где день, чтобы плакать и стонать,
Где сознание, чтоб вернуть рассудительность?

Ум исчез, иссякло терпенье, ушла любимая,
Разве это любовь, откуда такая боль, что это такое?!»

جمله‌ی یاران به دل‌داری او
 جمع گشتند آن شب از زاری او
 همنشینی گفتش ای شیخ کبار
 خیز ای بن‌وسواس را غسلی بر آر
 شیخ گفتش امشب از خون جگر
 کرده‌ام صد بار غسل ای بی‌خبر
 آن دگری یک گفت تسبیح‌ت کجاست
 کی شود کار تو بی‌تسبیح راست
 گفت تسبیح‌م بی‌فکندم ز دست
 تا توانم بر می‌ان ز نار بست
 آن دگری یک گفت ای پیرکهن
 گر خطایی رفت زودی توبه کن
 گفت کردم توبه از ناموس و حال
 تا بی‌اساییم از این حال و محال
 آن دگری یک گفت ای دانای راز
 خیز خود را جمع کن اندر نماز
 گفت کو محراب روی آن نگار
 تا نباشد جز نمازم هیچ کار
 آن دگری یک گفت تا کی زین سخن
 خیز در خلوت خدا را سجده کن
 گفت اگر بت‌روی من اینجاستی
 سجده پیش روی او زی‌باستی
 آن دگر گفتش پشیمانی‌ت نیست
 ی‌ک نفس درد مسلمانیت نیست

Все друзья, услышав стенания шейха,
Собрались в ту ночь его поддержать.

Один друг сказал: «О великий шейх!
Встань, искушение уничтожь омовеньем».

Шейх ответил: «В эту ночь кровью сердца
Я сделал сто омовений, о незрячий!»

Вот другой спросил: «Где же чётки твои?
Как твоё дело будет правым без чёток?»

Ответил: «Бросил я чётки —
Мешали зуннар затянуть».

Вот другой сказал: «Эй, старый учитель,
Если ты заблуждался, покайся скорей!»

Ответил: «Покаялся всей честью и совестью,⁴⁷
Чтобы выйти из этого невозможного состояния».

Вот другой предложил: «Эй, знающий тайное,
Поднимись, возьми себя в руки, намаз соверши!»

Ответил: «Мой михраб⁴⁸ — лицо любимой моей! Где оно,
Чтоб молитвы я стал читать непрерывно?»

Воскликнул один: «Хватит кощунствовать, встань
И в укромном месте преклони перед Богом колени!»

Ответил: «Если моя возлюбленная здесь,
Поклонение перед ней и нахожу я прекрасным».

Вот один упрекнул: «Нет у тебя сожаления,
Ни на миг не болеешь душой об исламе».

گفت کس نبود پشی‌مان بی‌ش ازین
تا چرا عاشق نبودم پی‌ش ازین
آن دگر گفتش که دی‌وت راه زد
تیر خذلان بر دلت ناگاه زد
گفت گر دی‌وی که راهم می‌زند
گو بزن چون چست و زی‌با می‌زند
آن دگر گفتش که هر که آگاه شد
گوی‌د آن رهبر چنی‌ن گمراه شد
گفت من بس فارغم از نام و ننگ
شی‌شهی سالوس بشکستم به سنگ
آن دگر گفتش که ی‌اران قدی‌م
از تو رنجورند و مانده دل دو نی‌م
گفت چون ترسا بچه خوش دل بود
دل ز رنج ای‌ن و آن غافل بود
آن دگر گفتش که با ی‌اران بساز
تا شوی‌م امشب بسوی کعبه باز
گفت اگر کعبه نباشد دی‌ر هست
هوشی‌ار کعبه‌ام در دی‌ر مست
آن دگر گفت ای‌ن زمان کن عزم راه
در حرم بنشین و عذر خوی‌ش خواه
گفت سر بر آستان آن نگار
عذر خواهم خواست، دست از من بدار
آن دگر گفتش که دوزخ در ره است
مرد دوزخ نی‌ست هر کو آگه‌ست

Ответил: «Сожалением я переполнен сверх меры:
Почему не был влюблён я до этого?»

Вот один сказал: «Дэв⁴⁹ дорогу твою пересек,
Стрелой безнадежности твоё сердце вдруг поразил».

Ответил: «Передай тому дэву:
Пусть стреляет и впредь, его выстрел прекрасен и меток».

Вот другой сказал: «Если о нас проведают,
Пустьят слух: предводитель сбился с пути!»

Ответил: «Я свободен уж от славы и стыда,
Разбил я о камень склянку двуличия».

Вот один сказал: «Старые друзья
На тебя в обиде — сердца всех разбиты».

Ответил: «Когда рядом прелестная христианка,
Нет сердцу дела до чужих обид».

Вот другой сказал: «Послушай друзей,
Чтобы уйти назад этой ночью в Каабу».

Ответил: «Нет рядом Каабы, но есть монастырь.
В Каабе я трезв. В монастыре — пьян».

Вот один сказал: «Собирайся-ка в путь,
Сядь, вернувшись, в Каабе и моли о прощении».

Ответил: «Милости прошу, склонив голову
К порогу красавицы, отвяжись от меня!»

Вот другой сказал: «На пути твоём ад!
Ты знаешь, что там тебя ждёт, и не посмеешь грешить».

گفت اگر دوزخ شود هم راه من
هفت دوزخ سوزد از ی‌ک آه من
آن دگر گفتش به امید بهشت
باز گرد و توبه کن زین کار زشت
گفت چون ی‌بار بهشتی روی هست
گر بهشتی بای‌دم این کوی هست
آن دگر گفتش که از حق شرم دار
حق تعالی را به حق آزم دار
گفت این آتش چو حق درمن فکند
من به خود نتوانم از گردن فکند
آن دگر گفتش برو ساکن بباش
باز ای‌مان آور و مومن بباش
گفت جز کفر از من حی‌ران نخواه
هر که کافر شد ازو ای‌مان نخواه
چون سخن در وی نی‌آمد کارگر
تن زدند آخر بدان تی‌مار در
موج زن شد پرده‌ی دلشان ز خون
تا چه آید خود ازین پرده برون
ترک روز، آخر چو با زرین سپر
هندو شب را به تیغ افکند سر
روز دی‌گر کین جهان پر غرور
شد چو بحر از چشمه‌ی خور غرق نور
شیخ خلوت ساز کوی ی‌بار شد
با سگان کوی او در کار شد

Ответил: «Возьму я ад себе в спутники:
Семь адов сейчас могут вспыхнуть от одного моего вздоха».

Вот один сказал: «С надеждой на рай
Вернись и покайся в этих мерзостях».

Ответил: «Когда райское лицо у возлюбленной,
Рай — её улица, если он тебе нужен».

Вот другой сказал: «Побойся Бога,
Воистину, почитай Всевышнего».

Ответил: «Этот огонь, что Он во мне зажѐг,
Я не в силах потушить в одиночку».

Вот один сказал: «Отрекись от нее,
Повернись снова к вере, набожным стань».

Ответил: «Кроме неверия, от меня, ошеломлённого, ничего не
жди.
У ставшего неверным веры не просят».

Увещевания на него не подействовали,
И наконец отказались мюриды от горемычного шейха.

Всколыхнулась от прилива крови завеса их сердец.
Что же покажется снаружи, из-за завесы?

День, как лихой турок с золотым щитом,
Рассѐк мечом чёрную голову ночи.

С наступлением утра этот горделивый мир,
Подобно морю, заполнился светом из родника солнца.

На улице девушки шейх то сидел в одиночестве,
То с собаками её улицы вместе бродил.

معتکف بنشست بر خاک رهش
همچو موی شد ز روی چون مهش
قرب ماهی روز و شب در کوی او
صبر کرد از آفتاب روی او
عاقبت بی‌مار شد بی‌دلستان
هی‌چ برنگرفت سر زان آستان
بود خاک کوی آن بت بسترش
بود بالین آستان آن درش
چون نبود از کوی او بگذشتنش
دختر آگه شد ز عاشق گشتنش
خویشتن را اعجمی ساخت آن نگار
گفت ای شیخ از چه گشتی بی‌قرار
کی کنند، ای از شراب شرک مست
زاهدان در کوی ترسایان نشست
گر به زلفم شیخ اقرار آورد
هر دمش دی‌وانگی بار آورد
شیخ گفتش چون زبونم دی‌دهای
لاجرم دزدی‌ده دل دزدی‌دهای
یا دلم ده باز یا با من بساز
در نی‌از من نگر، چندین مناز
از سر ناز و تکبر درگذر
عاشق و پی‌رو غری‌بم درنگر
عشق من چون سرسری نیست ای نگار
یا سرم از تن ببری یا سر درآر

Сидя в придорожной пыли, похудел,
Стал тоньше волоса из пряди своей луноликой возлюбленной.

На её улице почти месяц провёл,
Упорно ждал он восхода солнца её лика.

В конце концов захворал без любимой,
Не мог приподнять голову с её порога.

Заменяла шейху постель земля её улицы,
Подушкой стал порог её дверей.

Так как он не уходил с её улицы,
Девушка поняла, что с ним происходит.

Напустив на себя недогадливый вид, спросила красавица:
«Эй, шейх, отчего так взволнован?

О пьяный вином неверия, поведай,
С каких это пор отшельники сидят на улице христиан?

Или шейх хочет признаться в любви моим кудрям?
Тогда, глядишь, это сумасшествие пойдёт ему на пользу».

Шейх ответил: «Ты видела меня беспомощным,
Поэтому украла ты моё уже потерянное сердце.

Или верни моё сердце, или будь со мной ласкова.
Сделай, что я прошу, и не кокетничай.

Откажись от высокомерия и гордости,
Видишь — я влюблён, стар, застрял на чужбине.

Моя любовь не переменчива, о красавица,
Или голову мне оторви или стань другом.

جان فشانم بر تو گر فرمان دهی
گر تو خواهی بازم از لب جان دهی
ای لب و زلفت زیان و سود من
روی خوبت مقصد و به بود من
گه ز تاب زلف در تابم مکن
گه ز چشم مست در خوابم مکن
دل چو آتش، دی‌ده چون ابر از تو
بی‌کس و بی‌یار و بی‌صبر از تو
بی تو بر جانم جهان بفروختم
کی‌سه بی‌ن کز عشق تو بردوختم
همچو باران ابر می‌بارم ز چشم
زانک بی تو چشم این دارم ز چشم
دل ز دست دی‌ده در ماتم بماند
دی‌ده روی‌ت دی‌د، دل در غم بماند
آنچ من از دی‌ده دی‌دم کس ندی‌د
و آنچ من از دل کشی‌دم کس ندی‌د
از دلم جز خون دل حاصل نماند
خون دل تاکی خورم چون دل نماند
بی‌ش ازین بر جان این مسکین مزین
در فتوح من لگد چندی‌ن مزین
روزگار من بشد در انتظار
گر بود وصلی بی‌ای‌د روزگار
هر شبی بر جان کمی‌ن سازی کنم
بر سر کوی تو جان بازی کنم

Вели — за тебя отдам душу, и если захочешь —
Одним поцелуем меня к жизни вернёшь.

О, твои губы и локоны — мои польза и вред,
Твоё прелестное лицо — мои цель и желание.

Не распай меня завитками своих волос,
Не усыпляй томными глазами.

Сердце в огне, глаза полны влаги из-за тебя,
Нет друга мне в моём одиночестве, и не вытерпеть мне его
без тебя.

Из-за тебя погибаю, всё я распродал
И сшил мешок⁵⁰ из твоей любви.

Слезы дождём льются из глаз —
Не видя тебя, только плакать им остаётся.

В разлуке сердце скорбит от бесконечных рыданий,
Но лишь увижу твоё лицо — и вновь сердце в горе.

На что довелось мне взглянуть, того никто не видал.
Боль, причинённую мне моим сердцем, никто не испытывал.

От сердца моего, кроме крови, ничего не осталось,
Сколько можно терпеть боль, если уже нечему болеть?

Больше не мучай душу несчастного,
Полонён я тобой, не язви побеждённого.

Я жизнь потерял в ожидании,
Если воссоединюсь — вновь её обрету.

Каждую ночь караулю я душу в засаде —
На твоей улице бродит моя душа-беглянка.

روی بر خاک درت، جان می‌دهم
جان به نرخ خاک ارزان می‌دهم
چند نالم بر درت ، در باز کن
یک دمم با خویشتن دمساز کن
آفتابی، از تو دوری چون کنم
سایه‌ام، بی تو صبوری چون کنم
گرچه همچون سایه‌ام از اضطراب
در جهم در روزنت چون آفتاب
هفت گردون را درآرم زیر پر
گر فرو آری بدین سرگشته سر
دخترش گفت ای خرف از روزگار
ساز کافور و کفن کن، شرم‌دار
چون دمت سر دست دمسازی مکن
پی‌ر گشتی، قصد دل بازی مکن
این زمان عزم کفن کردن ترا
بہتر آید عزم من کردن ترا
چون تو در پی‌ری بی‌ک نانی گرو
عشق ورزی‌دن تو نتوانی برو
کی توانی پادشاهی یافتن
چون به سی‌ری نان نخواهی یافتن
شیخ گفتش گر بگوی صد هزار
من ندارم جز غم عشق تو کار
عاشقی را چه جوان چه پی‌رمرد
عشق بر هر دل که زد تأثیری کرد

Лёжа ничком в пыли у твоих ворот, жизнь отдаю,
Дешевле праха теперь её предлагаю!

Столько палбчу за твоей дверью, отвори её,
Хоть миг со мной поговори.

Ты — солнце, как от тебя отдалиться?
Я — твоя тень, куда ж мне без солнца?

И дрожу я, словно зыбкая тень,
Светом солнца проникла ты в щель моей ямы.

Семь небес я возьму под крыло,
Если ты склонишь голову к скитальцу».

Девушка сказала: «Эй, выживший из ума,
Постыдись, пора готовить тебе саван и камфару.⁵¹

Нет в твоих словах тепла, не болтай о любви.
Стар ты стал, о любви и не думай.

Сейчас тебе лучше саван шить,
Чем меня желать.

Ты в преклонных годах и зависишь от куска хлеба.
Любить тебе не под силу, уходи.

Как ты надеешься царства добиться,
Если досыта хлеба не можешь добыть?»

Шейх ответил: «Попрекай хоть сто тысяч раз,
Но, кроме твоей любви, ничто уже меня не заботит.

Не разбирает любовь, кто молод, кто стар,
Страсть задевает любое сердце».

گفت دختر گر در این کاری درست
دست باید پاکت از اسلام شست
هر که او هم رنگ یار خویش نیست
عشق او جز رنگ و بوی بی‌ش نیست
شیخ گفتش : هر په گویی آن کنم
وانچه فرمایی بجان فرمان کنم
حلقه در گوش توام این سیم تن
حلقه ای از زلف در حلقم فکن
گفت دختر گر تو هستی مرد کار
چار کارت کرد بلید اختی‌ار
سجده کن پیش بت و قرآن بسوز
خمر نوش و دی‌ده را ای‌مان بدوز
شیخ گفتا : خمر کردم اختی‌ار
با سهی دی‌گر ندارم هیچ کار
بر جمالت خمر دانم خورد من
و آن سهی دی‌گر ندانم کرد من
گفت برخی‌ز و بی‌ا و خمر نوش
چون بنوشی خمر ، آیی در خروش
شیخ را بردند تا دی‌رمغان
آمدند آنجا مری‌دان در فغان
شیخ الحق مجلسی بس تازه‌دی‌د
می‌زبان را حسن بی‌اندازه دی‌د
آتش عشق آب کار او ببرد
زلف ترسا روزگار او ببرد

Девушка сказала: «Если ты искренен,
Откажись от ислама.

У того, кто не следует за своим возлюбленным,
Любовь — лишь пустой цвет без запаха».

Шейх ответил: «Сделаю всё, что велишь,
Всё, что прикажешь, выполню душой.

Я твой раб с кольцом в ушах, о белотелая,
Лентой из локонов окутай мое горло».

Девушка сказала: «Если ты мужчина в этом деле,
То должен исполнить четыре деянья:

Поклонись моей красоте⁵² и сожги Коран,
Выпей вина и откажись от веры».

Шейх ответил: «Я выбираю вино,
Прочие три — не по мне.

Я выпью вина за твою красоту,
А другие три дела не для меня».

Девушка приказала: «Поднимайся, иди и выпей вина.
Когда выпьешь — начинай буянить».

Привели шейха в кабак,
За ним вошли, стеная, мюриды.

Шейх, однако, счёл сборище приятным,
Хозяина — вполне приветливым.

Огонь любви уничтожил его репутацию,
Локоны христианки унесли его судьбу,

ذره‌ی عقلش نماند و هوش هم
در کشید آن جای‌گه خاموش دم
جام می بستد ز دست یار خویش
نوش کرد و دل برید از کار خویش
چون به یک جا شد شراب و عشق یار
عشق آن ماهش یکی شد صد هزار
چون حریفی آب دندان دید شیخ
لعل او در حقه خندان دید شیخ
آتشی از شوق در جانش فتاد
سپل خونین سوی مژگانش فتاد
باده‌ای دی‌گر بخواست و نوش کرد
حلقه‌ای از زلف او در گوش کرد
قرب صد تصنیف در دین یادداشت
حفظ قرآن را بسی استاد داشت
چون می از ساغر به ناف او رسید
دعوی او رفت و لاف او رسید
هرچ یادش بود از یادش برفت
باده آمد عقل چون بادش برفت
خمر، هر معنی که بودش از نخست
پاک از لوح ضمیر او بشست
عشق آن دلبر بماندش صعب‌ناک
هرچ دی‌گر بود کلی رفت پاک
شیخ چون شد مست، عشقش زور کرد
همچو دری‌جان او پرشور کرد

Не осталось ни капли разума, ни зоркости.
На миг он замолк, не роняя ни звука.

Принял кубок вина из рук возлюбленной,
Выпил и сердце отнял от своего дела.

Когда воедино слились любовь и вино,
Его любовь к той луне окрепла в сто тысяч раз.

Едва он взглянул на соседку в застолье
И её алые губы в смехе увидел,

Как ему огонь страсти в душу запал,
Даже выступили слёзы на ресницах.

Попросил снова налить, выпил, затем
Кольцо из её кудрей на уши накрутил.

Шейх помнил чуть не сто книг о вере,
Знал весь Коран наизусть.

Когда полилось вино из чаши в чрево,
Вытек их смысл, остались пустые слова.

Всё, что помнил, он позабыл.
Пришло вино, и вылетел разум, подобно ветру.

Всё, что хранил он и помнил,
С доски памяти начисто смыло вином.

Любовь к красавице стала сильнее,
Всё остальное, что было, напрочь ушло.

У захмелевшего глейха, побеждённого чувством,
Душа взволновалась, как море.

آن صنم را دیدم می در دست و مست
شیخ شدی کبارگی آنجا ز دست
دل بداد و دست از می خوردنش
خواست تا ناگه کند در گردنش
دخترش گفت ای تو مرد کار نه
مدعی در عشق، معنی دار نه
عافیت با عشق نبود سازگار
عاشقی را کفر سازدی ادادار
گر قدم در عشق محکم داری بی
مذهب این زلف پر خم داری بی
همچو زلفم نه قدم در کافری
زانک نبود عشق کار سرسری
اقتدا گر تو به کفر من کنی
با من این دم دست در گردن کنی
ور نخواهی کرد ای نجا اقتدا
خی ز رو، ای نک عصالی نک ردا
شیخ عاشق گشته بس افتاده بود
دل ز غفلت بر قضا بنهاده بود
آن زمان کاندر سرش مستی نبود
یک نفس او را سر هستی نبود
این زمان چون شیخ عاشق گشت مست
اوفتاد از پای و کلی شد ز دست
برنیامد با خود و رسوا شد او
می نترسید از کسی، ترسا شد او

Увидев подвыпившую красавицу с вином в руках,
Шейх вмиг себя позабыл, потерял рассудок

и сердце отдал. Разгорячившись от вина,
Захотел её за шею обнять.

Девушка сказала: «Да ты не мужчина в этом деле!..
О любви рассуждаешь, но смысл её от тебя ускользает.

Благочестие не уживается с любовью,
Помни — влюблённость ведёт к неверию.

Если ты твёрд на пути к любви,
Прими мазхаб⁵³ этих вьющихся кудрей.⁵⁴

Держась за них, входи в неверие,⁵⁵
Потому что любовь — серьёзное дело.

Когда ты подчинишься моим локонам,
В тот миг и можешь меня обнять за шею.

Если не захочешь подчиниться,
Встань и уйди. Вот посох, а вот и плащ».

Шейх повиновался, дело было сделано,
Оставил беспечно сердце на произвол судьбы.

Во времена трезвости
Желания земной жизни у шейха и не мелькали.

Когда же опьянел влюблённый шейх,
Душа и разум его исчезли.

Не совладав с собой, опозорился он,
Не побоялся никого, стал христианином.

بود می بس کهنه دروی کار کرد
شیخ را سرگشته چون پرگار کرد
پی‌ر را می کهنه و عشق جوان
دلبرش حاضر، صبوری کی توان
شد خراب آن پی‌رو شد از دست و مست
مست و عاشق چون بود رفته ز دست
گفت بی‌طاقت شدم ای ماه‌روی
از من بی‌دل چه می‌خواهی بگوی
گر به هشی‌اری نگشتم بت پرست
پی‌ش بت مصحف بسوزم مست مست
دخترش گفت ای‌ن زمان مرد منی
خواب خوش بادت که در خورد منی
پی‌ش ازین در عشق بودی خام خام
خوش بزی چون پخته گشتی والسلام
چون خبر نزدیکی ترسالی‌ان رسی‌د
کان چنان شی‌خی ره ای‌شان گزی‌د
شیخ را بردند سوی دی‌ر مست
بعد از آن گفتند تا زنار بست
شیخ چون در حلقه‌ی زنار شد
خرقه آتش در زد و در کار شد
دل ز دی‌ن خویشتن آزاد کرد
نه ز کعبه نه ز شی‌خی‌ی‌ادکرد
بعد چندی‌ن سال ای‌مان درست
ای‌ن چنی‌ن نوباوه روی‌ش بازشست

Хорошей выдержки оказалось вино,
Ударило в голову — закружило старца.

У него — старое вино и молодая любовь,
И любимая рядом, кто же здесь устоит?

Уснул старик и во хмелю рассудок растратил.
Когда влюблённый пьян, считай, что потерян.

Спросил старец: «О луноликая, мне узнать не терпится,
Чего ты хочешь от меня, потерявшего сердце?»

Когда трезвым был, на идолов не смотрел,
Ныне, пьяным, сожгу Коран пред кумиром».

Ответила девушка: «Сейчас ты мой человек,
Да будет сладок твой сон, ты достоин меня.

До этого ты был для любви не созревшим.
Стал созревать? Постарайся дозреть, вот и всё».

Когда долетела до христиан весть,
Что знаменитый шейх выбрал их путь,⁵⁶

Пьяного шейха привели в монастырь,
Затем велели зуннар надеть.

Шейх, оказавшись в оковах зуннара,
Сжёг хирку и уподобился христианам.

Сердце освободил он от веры своей,
Не вспоминал ни Каабу, ни то, что он шейх.

После стольких лет правоверия
Черты лица его размыло вином.

گفت خذلان قصد این درویش کرد
عشق ترسازاده کار خویش کرد
هرچ گوید بعد ازین فرمان کنم
زین بتر چه بود که کردم آن کنم
روز هشیاری نبودم بت پرست
بت پرستی دم چو گشتم مست مست
شیخ گفت ای دختر دلبر چه ماند
هرچه گفتمی کرده شد، دیگر چه ماند
خمر خوردم، بت پرستی دم ز عشق
کس مبیناد آنچه من دیدم ز عشق
کس چو من از عاشقی شی دا شود
و آن چنان شیخی چینی رسوا شود
قرب پنجه سال را هم بود باز
موج میزد در دلم دریای راز
ذره‌ی عشق از کمی در جست جست
برد ما را بر سر لوح نخست
عشق از این بسیاری کردست و کند
خرقه با زنار کردست و کند
تخته‌ی کعبه است ابجد خوان عشق
سرشناس غیب سرگردان عشق
این همه خود رفت برگوی اندکی
تا تو کی خواهی شدن با من یکی
چون بنای وصل تو بر اصل بود
هرچه کردم بر امی د وصل بود

Дервиш низвергся вниз с прежних высот,
Любовь к дочери христианки сделала своё дело.

Думал шейх: «После этого любой приказ её выполню,
Что может быть хуже того, что я уже натворил?»

В дни здравого рассудка не замечал истуканов,
А чуть подвыпил — превратился в язычника».

Затем произнёс: «О любимая девушка, что ещё?
Выполнил всё, что велела, что осталось ещё?»

Вино проглотил, поклонился идолу из-за любви.
Врагу не желаю того, что я испытал из-за любви.

Если кто-то как я влюбится, неминуемо опозорится,
Даже если это будет такой шейх, как я.

Полвека дорога была мне открыта,
Море тайн волнами накатывало на моё сердце.

Пылинка любви стремительно прыгнула из засады
И привела меня к началу первого круга».

Любовь не раз так поступала и поступает,
Хирку превратила в зуннар и превращает.

Замкнувший себя в Каабе⁵⁷ приступает⁵⁸ к алфавиту любви.
Но, выйдя в поле любви, он потеряет дорогу.

Добавил: «Прими в расчёт уже сделанное
И намекни, когда соединишься со мной.

Всё, что мне нужно, — единение с тобой.
Всё, что я сделал, совершено мной в надежде на это.

وصل خواهیم و آشنای ی یافتن
چند سوزم در جدای ی یافتن
باز دختر گفت ای پی ر اسی ر
من گران کابی نم و تو بس فقی ر
سی م و زر بای د مرا ای بی خبر
کی شود بی سی م و زر کارت به سر
هر دم از نوع دگر اندازی م
در سراندازی و سر اندازی م
خون تو بی تو بخوردم هرچه بود
در سر و کار تو کردم هرچه بود
در ره عشق تو هر چم بود شد
کفر و اسلام و زی ان و سود شد
چند داری بی قرارم ز انتظار
تو ندادی ای ن چنی ن با من قرار
چون نداری تو سر خود گی ر و رو
نقچه ای بستان ز من ای پی ر و رو
همچو خورشید سبک رو فرد باش
صبر کن مردانه وار و مرد باش
شیخ گفت ای سرو قد سی م بر
عهد نی کو می بری الحق به سر
کس ندارم جز تو ای زی با نگار
دست از ی ن شی وه سخن آخر بدار
جمله ی ی اران من برگشته اند
دشمن جان من سرگشته اند

Хочу единения и близости с тобой,
Просто сгораю в разлуке».

Девушка сказала: «О пленённый старец,
Плата за меня высока, а ты нищ.

Нужно мне серебро и золото, о несведущий,
Или золотые руки у тебя, чтобы обойтись без денег?

Нет у тебя золота — забирай свою голову и иди,
Прими от меня милостыню, эй, старец, и уходи.

Шагай легко, словно солнце,
Стойко терпи и оставайся одиноким».

Шейх сказал: «О белотелая со станом кипариса,
Хорошо же ты выполняешь свои обещания.

Кроме тебя, красавица, никого нет у меня,
Брось наконец эти лукавые разговоры.

Каждый миг у тебя новые капризы,
Норовишь каждый миг свести меня с ума по-новому.

Ради тебя перенёс всё, что было,
Ради тебя выполнил всё, что просила.

На пути к твоей любви всё, что имел, потерял,
Неверие и ислам, разницу между вредом и пользой.

Что же ты держишь меня в тревожном ожидании?
Мы стоворились совсем о другом.

Все друзья от меня отвернулись,
Теперь они — враги моей беспокойной души.

تو چینی و ای‌شان چنان، من چون کنم
نه مرا دل ماند و نه جان ، چون کنم
دوستر دارم من ای عالی سرشت
با تو در دوزخ که بی تو در بهشت
عاقبت چون شیخ آمد مرد او
دل بسوخت آن ماه را از درد او
گفت کابین را کنون ای ناتمام
خوک بانی کن مرا سالی مدام
تا چو سالی بگذرد، هر دو بهم
عمر بگذاریم در شادی و غم
شیخ از فرمان جانان سرنتافت
کانک سرتافت او ز جانان سرنیافت
رفت پی‌رکعبه و شیخ کبار
خوک بانی کرد سالی اختی‌ار
در نهاد هر کسی صد خوک هست
خوک بلی‌د سوختی با ز نار بست
تو چنان ظن می‌بری ای هی‌چ کس
کین خطر آن پی‌ر را افتاد بس
در درون هر کسی هست این خطر
سر برون آرد چو آید در سفر
تو ز خوک خوی‌ش اگر آگه نه‌ای
سخت معذوری که مرد ره نه‌ای
گر قدم در ره نهی چون مرد کار
هم بت و هم خوک بی‌نی صد هزار

Ты так, они эдак, а мне что делать?

Не осталось ни сердца, ни души, куда мне податься?

Я теперь предпочёл бы, о душой подобная Исе,
Быть с тобою в аду, чем без тебя в раю».

Наконец, когда боль шейха обожгла той луне сердце,
Поняла девушка, что он искренен.

Сказала: «О несовершенный, калым за меня таков:
Ты должен будешь пасти свиней целый год.

И лишь минует год, соединимся мы,
Чтоб жизнь вместе провести в радости и горе».

Шейх от приказа любимой не уклонился —
Тот, кто уваливает, не приносит плодов.⁵⁹

Пошёл шейх Каабы и пир кубаров⁶⁰
Свиней пасти целый год.

В душе каждого живёт сто свиней.
Либо убей в душе свинью, либо зуннар повяжи.

Эй, приятель, похоже, ты думаешь,
В такую беду попал только пир, и больше никто?

Эта опасность скрыта в каждом,
Она проявляется, когда человек отправляется в путь.

Если ты не сведущ о своей свинье,
Нет на тебе и ответственности. Ты — не человек пути.

Когда ты выходишь в путь, о человек дела,
Встретишься с кумиром и свиньями сто тысяч раз.

خوک کش، بت سوز، اندر راه عشق
ورنه همچون شیخ شو رسوای عشق
عاقبت چون شیخ دی ن ترسا ببود
در می ان روم سر غوغا ببود
هم نشی نانش چنان در ماندند
کز فرو ماندن به جان در ماندند
چون بدی دند آن گرفتاری او
باز گردی دند از یاری او
جمله از شومی او بگریختند
در غم او خاک بر سر ریختند
بود یاری در می ان جمع، چست
پیش شیخ آمد که ای در کار سست
می روی م امروز سوی کعبه باز
چیست فرمان، باز بای د گفت راز
یا همه هم چون تو ترسای ی کنی م
خویش را محراب رسوای ی کنی م
ای ن چنی ن تنهات نپسندی م ما
همچو تو ز نار بر بندی م ما
یا چو نتوانی م دی دت هم چنی ن
زود بگریزی م بی تو زی ن زمی ن
معتکف در کعبه بنشی نی م ما
تا نبی نی م آنچه می بی نی م ما
شیخ گفتا جان من پر درد بود
هر کجا خواهی د بای د رفت زود

Прикончи свиней, сожги кумира в поле любви,
Если не можешь, то прими позор подобно шейху.

Весь Рум переполошил шейх,
Приняв христианство. Загудел Рум.

Друзья его так разочаровались во всём,
Что не знали, куда и податься.

Когда увидели его несчастье,
Перестали его поддерживать.

Все сбежали из-за его позора,
Посыпали головы пеплом из-за его беды.

Нашёлся один друг среди сборища,
Пришёл к шейху и сказал: «О слабый в деле человек,

Давай уйдём сегодня в сторону Каабы,
Каков твой указ будет, тайну открой.

Или всем войти за тобой в христианство
И сделать себя михрабом позора?

Тебя одного так не бросим мы,
Как и ты, зуннары завяжем.

Иначе не сможем смотреть на тебя в таком виде,
Быстро сбежим без тебя отсюда.

В уединении в Каабе мы сядем,
Чтобы не вспоминать того, что видели мы».

Шейх сказал: «Душа моя исстрадалась,
Куда хотите, туда уходите скорей.

تا مرا جانست، دی‌رم جای بس
دختر ترسام جان افزای بس
می‌ندانید، ارچه بس آزاده‌ای‌د
زانک ای‌نججا جمله کار افتاده‌ای‌د
گر شما را کار افتادی دمی
هم دمی بودی مرا در هر غمی
باز گردیدی ای رفیقان عزیزی
می‌ندانم تا چه خواهد بود نی‌ز
گر ز ما پرسند، برگویی‌د راست
کان ز پا افتاده سرگردان کجاست
چشم پر خون و دهن پر زهر ماند
در دهان ازدهای دهر ماند
هی‌چ کافر در جهان ندهد رضا
آنچ‌کرد آن پی‌ر اسلام از قضا
روی ترسای‌ی نمودندش ز دور
شد ز عقل و دین و شی‌خی ناصبور
زلف او چون حلقه در حلقش فکند
در زفان جمله‌ی خلقش فکند
گر مرا در سرزنش گی‌رد کسی
گو درین ره ای‌ن چنین افتد بسی
در چنین ره کان نه بن دارد نه سر
کس مبادا ای‌من از مکر و خطر
ای‌ن بگفت و روی از ای‌اران بتافت
خو‌کبانی را سوی خو‌کان شتافت

Пока я жив, винный кабак — моё место,
И только девушка-христианка мне радует душу.

Вы не постигли причину своей свободы,
Потому что вас миновала беда.

Попади вы в такую беду, тогда и смогли бы
Мои мытарства понять своим сердцем.

Возвращайтесь, о дорогие друзья,
Я не знаю, что станется дальше.

Если спросят обо мне, рассказывайте правду,
Где сейчас тот упавший, свою голову потерявший:

Остался он в пасти дракона,
Глаза полны крови, рот полон яда.

Ни один неверный в мире не согласится
Повторить, что выпало сделать этому пиру ислама.

Поманили издалека его лицом христианки,
И утратили для него смысл разум, вера и шейхство.

Судачат повсюду, как вокруг него завился
Локон её, кольцо за кольцом.

Если начнут меня упрекать,
Скажи: на пути любви такое случается часто.

На этом пути, что без конца и начала,
Никто не защищен от коварства и опасности».

Произнёс это, от друзей отвернулся,
Направился своих свиней пасти.

بس که یاران از غمش بگریستند
از پس او هر زمان نگریستند
عاقبت رفتند سوی کعبه باز
مانده جان در سوختن، تن درگداز
شیخشان در روم تنها مانده
داده دین در راه ترسا مانده
وانگه ایشان از حیا حیران شده
هر یکی در گوشه‌ی پنهان شده
شیخ را در کعبه‌ی اری چست بود
در ارادت دست از کل شست بود
بود بس بی‌ننده و بس راهبر
زو نبودی شیخ را آگاه‌تر
شیخ چون از کعبه شد سوی سفر
او نبود آنجایی‌که حاضر مگر
چون مرید شیخ باز آمد بجای
بود از شیخش تهی خلوت سرای
باز پرسید از مریدان حال شیخ
باز گفتندش همه احوال شیخ
کز قضا او را چه بار آمد ببر
وز قدر او را چه کار آمد به سر
موی ترسای بی به یک مویش بیست
راه بر ایمان به صد سویش بیست
عشق می‌بازد کنون با زلف و خال
خرقه گشتش مخرقه، حالش محال

Пока он удалялся, мюриды плакали непрерывно.
Взглянут на него — и снова слёзы текут.

Наконец двинулись в сторону Каабы,
Оставив свои души в пламени, а тела в горячке.

Думали: шейх остался в Руме один,
Пустил свою религию на ветер, стал христианином.

От стыда растерялись они так, что
Попрятались по своим углам.

У шейха в Каабе остался верный мюрид,
В надёжности ему не было равных.

Был он прозорливым и мудрым,
И никто не знал шейха лучше, чем он.

Когда шейх из Каабы отправился в путь,
Мюрида в тот день не оказалось на месте.

Когда же он возвратился,
Обитель шейха застал уже без хозяина.

Расспросил он вернувшихся о состоянии шейха,
И поведали они ему обо всём:

Какими рогами⁶¹ награждён он судьбой
И чем он занят по воле Провидения.⁶²

Свою судьбу, мол, прочно связал с христианкой,
Путь к вере со ста сторон закрыл.

Играет в любовь с локоном и родинкой,
Хирка стала ложью. О чём ещё говорить?

دست کلی بازداشت از طاعت او
خوک بانی می‌کند این ساعت او
این زمان آن خواجه‌ی بسی‌ار درد
بر می‌ان زنار دارد چار کرد
شیخ ما گرچه بسی در دین بتاخت
از کهن گبری‌ش می‌نتوان شناخت
چون مری‌د آن قصه بشنود، از شگفت
روی چون زر کرد و زاری درگرفت
با مری‌دان گفت ای تر دامنان
در وفاداری نه مرد و نه زنان
ی‌ار کار افتاده بلی‌د صد هزار
ی‌ار نای‌د جز چینی‌ن روزی به کار
گر شما بودی‌د ی‌ار شیخ خوی‌ش
ی‌اری او از چه نگرفتی‌د پی‌ش
شرمتان باد، آخر این ی‌اری بود
حق گزاری و وفاداری بود
چون نهاد آن شیخ بر زنار دست
جمله را زنار می‌بای‌ست بست
از برش عمدا نمی‌بای‌ست شد
جمله را ترسا همی‌بای‌ست شد
این نه ی‌اری و موافق بودنست
کانچ کردی‌د از منافق بودنست
هرک ی‌ار خوی‌ش رای‌اور شود
ی‌ار بلی‌د بود اگر کافر شود

Совсем перестал он молиться,
И, верно, пасёт свиней в этот час

Тот больной господин, что
Окован зуннаром в четыре кольца.

Хотя шейх на пути веры душу отдал,
Он так изменился, что невозможно узнать...

Когда мюрид до конца дослушал, от изумления
Лицо его пожелтело, как золото, и застонал он.

Ответил рассказчиком: «О грешники,
В верности и не мужи, и не женщины.

Любому нужны сотни тысяч надёжных друзей.
Верный друг необходим в тяжёлые дни.

Если были вы сподвижниками шейха,
Почему не помогли ему?

Позор вам, предавшие дружбу,
Где ваша верность и благодарность?

Раз шейх завязал себе зуннар,
Все обязаны были завязать по зуннару.

Вам отречься от него нельзя было,
Все должны были стать христианами.

Вы отступили от дружбы, а это нельзя,
Вы показали себя лицемерами.

Если ты нашёл друга, стал ему помощником,
То другом и оставайся, даже если тот в неверие впал.

وقت ناکامی توان دانست یار
خود بود در کامرانی صد هزار
شیخ چون افتاد در کام نهنگ
جمله زو بگریختی د از نام و ننگ
عشق را بنیاد بر بد نامیست
هر که ازین سر سرکشد از خامیست
جمله گفتند آنچ گفتی بی‌ش ازین
بارها گفتی م با او پیش ازین
عزم آن کردی م تا با او بهم
هم نفس باشی م در شادی و غم
زهد بفروشی م و رسوایی خری م
دین براندازی م و ترسای خری م
لیک روی آن دی د شیخ کارساز
کز بر او ی یک به ی یک گردی م باز
چون ندی د از یاری ما شیخ سود
باز گردانی د ما را شیخ زود
ما همه بر حکم او گشتی م باز
قصه برگفتی م و ننهفتی م راز
بعد از آن اصحاب را گفت آن مری د
گر شما را کار بودی بر مزید
جز در حق نیستی جای شما
در حضورستی سرا پای شما
در تظلم داشتن در پیش حق
هر ی یکی بردی از آن دی گر سبق

Друг принимает твою беду сердцем,
Если сам в тот момент сто тысяч раз счастлив.

Когда шейх попал в пасть кита,⁶³
Вы все испугались стыда и позора.

Но позор — основа любви,
Каждый, кто от этой тайны отворачивается, — незрелый».

Все оправдывались: «Зря ты нас упрекаешь,
К рассудку его мы зывали не раз и не два.

Готовы были мы и остаться с ним,
И вместе жизнь провести в радости или в горе,

Воздержанность продать и позор купить,
От веры отречься и христианами стать.

Однако шейх повелел,
Чтобы каждый из нас от него отвернулся.

Он не увидел в нашем присутствии пользы
И обратно нас всех отослал.

И вот — мы по его приказу вернулись,
Всё рассказали, не утаив ничего».

Но возразил асхабам мюрид:
«Если вы приложили усилие, то

Ваша заслуга видна только Богу,
В Его присутствии всегда вы с головы до ног.

Но пока перед Ним лишь в жалобах на невзгоды
Вы опередили друг друга.

تا چو حق دی‌دی شما را بی‌قرار
بازدادی شیخ را بی‌انتظار
گر ز شیخ خوی‌ش کردی داحتراز
از در حق از چه می‌گردی د باز
چون شنی‌دند آن سخن از عجز خوی‌ش
برنی‌آوردند ی‌ک تن سر ز پیش
مرد گفت اکنون ازین خجالت چه سود
کار چون افتاد برخی‌زی‌م زود
لازم درگاه حق باشی‌م ما
در تظلم خاک می‌باشی‌م ما
پی‌رهن پوشی‌م از کاغذ همه
در رسی‌م آخر به شیخ خود همه
جمله سوی روم رفتند از عرب
معتکف گشتند پنهان روز و شب
بر در حق هر ی‌کی را صد هزار
گه شفاعت گاه زاری بود کار
هم چنن تا چل شبان روز تمام
سرنپی‌چندند هی‌چ از ی‌ک مقام
جمله را چل شب نه خور بود و نه خواب
هم چو شب چل روز نه نان و نه آب
از تضرع کردن آن قوم پاک
در فلک افتاد جوشی صعب ناک
سبزه‌پوشان در فراز و در فرود
جمله پوشی‌دند از آن ماتم کبود

Если бы Истинный увидел вашу тревогу,
Он быстро вернул бы вам шейха.

Вы покинули своего наставника,
Но зачем вы от Истинного отвернулись?»

Когда мюриды слышали эти слова, от стыда
Никто не поднял глаз.

Муж сказал: «Сейчас от стыда нет толку,
Дело сделано. Встанем же быстро.

Быть на пороге Истинного следует нам,
Жалуясь Ему, посыплем головы пеплом.

Одежду из бумаги⁶⁴ наденем все,
Дойдём наконец до нашего шейха все».

Вышли они в сторону Рума из арабской земли,
Ночью и днём держа затворёнными двери душ своих.

У порога Истинного каждый сто тысяч раз
То милосердия просил, то горько плакал.

Полных сорок дней и ночей
Не сходили они с одного места.

Никто из них не спал сорок ночей,
Никто не ел и не пил сорок дней.

От смиренной мольбы благородных мужей
Бурно вскипели небеса,

Все ангелы на небесах и на земле
От скорби оделись в синее.⁶⁵

آخر الامر آنک بود از پی‌ش صف
آمدش تیر دعا اندر هدف
بعد چل شب آن مری‌د پاک باز
بود اندر خلوت از خود رفته باز
صبح دم بادی در آمد مشک بار
شد جهان کشف بر دل آشکار
مصطفی را دی‌د می‌آمد چو ماه
در برافکنده دو گی‌سوی سی‌اه
سای‌هی حق آفتاب روی او
صد جهان وقف ی‌ک سر موی او
می‌خرامی‌د و تبسم می‌نمود
هر که می‌دی‌دش درو گم می‌نمود
آن مری‌د آن را چو دی‌د از جای جست
کای نبی الله دستم گی‌ر دست
رهنمای خلقی، از بهر خدای
شی‌خ ما گم راه شد راهش نمای
مصطفی گفت ای بهمت بس بلند
رو که شی‌بخت را برون کردم ز بند
همت عالی‌ت کار خوبی‌ش کرد
دم نزد تا شی‌خ را در پی‌ش کرد
در می‌ان شی‌خ و حق از دی‌رگاه
بود گردی و غباری بس سی‌اه
آن غبار از راه او برداشتم
در می‌ان ظلمتش نگذاشتم

Наконец была принята молитва стоящего впереди,
Долетела стрела молитвы до цели.

После сорока ночей тот благородный мюрид
Сидел в одиночестве, погружившись в себя.

Ранним утром принёс ветерок мускусный аромат,
Открылся тайный мир сердцу мюрида.

Мустафу⁶⁶ увидел — появился, словно луна,
С вьющимися чёрными волосами.

Тень Бога на земле, солнце лика Его,
Сто миров полных душ посвящены одному его волосу.

Ступает величаво, улыбается,
Любой, кто его увидит, растеряется.

Мюрид, его увидев, вскочил на ноги:
«О Посланник Аллаха, помоги мне!

О указывающий всем путь во имя Бога,
Шейх наш заблудился, ему путь укажи».

Ответил Мустафа: «О великий в усердии,
Ступай, снял я с шейха оковы.

Не ослабевало твоё великое усердие,
Пока не освободило шейха, достигло оно своей цели.

Между шейхом и Богом с давних времен
Лежали пыль и прах, очень чёрные.

Эту пыль мы убрали с его пути,
Во тьме его не оставили.

کردم از بهر شفاعت شب نمی
منتشر بر روزگار او همی
آن غبار اکنون ز ره برخاستست
توبه بنشسته گنه برخاستست
تو یقین می‌دان که صد عالم گناه
از تفی یک توبه برخی زد ز راه
بحرا احسان چون درآید موج زن
محو گرداند گناه مرد و زن
مرد از شادی آن مدهوش شد
نعره‌ای زد کاسمان پر جوش شد
جمله‌ی اصحاب را آگاه کرد
مژدگانی داد و عزم راه کرد
رفت با اصحاب گریبان و دوان
تا رسید آنجا که شیخ خوک بان
شیخ را می‌دید چون آتش شده
در میان بی‌قراری خوش شده
هم فکنده بود ناقوس مغان
هم گسسته بود زنار از میان
هم کلاه گبرکی انداخته
هم ز ترسای دلی پرداخته
شیخ چون اصحاب را از دور دید
خویشتن را در میان بی‌نور دید
هم ز خجلت جامه بر تن چاک کرد
هم به دست عجز سر بر خاک کرد

Каплями из безграничного моря Милости, словно росой,
Мы обрызгали шейху жизнь.

Сейчас дорога свободна от пыли,
Покаялся он, грех простился ему.

Ты верно знай, что сто миров греха
От одного искреннего покаяния прощается.

Когда взволнуется море доброты,
Стирает оно грехи и мужчин, и женщин».

Услышав его, мюрид от радости лишился чувств,
Издав такой вопль, что небо вздрогнуло.

Известил он всех асхабов,
Одарил их доброй вестью и собрался в путь.

Бежал он к шейху с асхабами, рыдая от радости,
Пока не добрался до места, где шейх свиной пас.

Увидели шейха — стал тот словно огонь,
Мятущийся, радостный.

Забыл про христианство,
Зуннар свой развязал.

Скинул шапку гебров,⁶⁷
Душа его вышла из христианства.

Шейх, заметив асхабов вдали,
Среди них себя тусклым увидел.

Разорвал одежду на себе от стыда
И голову прахом осыпал от безысходности.

گاه چون ابر اشک خونی‌ن برفشانند
گاه از جان جان شی‌ری‌ن برفشانند
گه ز آتش پرده‌ی گردون بسوخت
گه ز حسرت در تن او خون بسوخت
حکمت اسرار قرآن و خبیر
شسته بودند از ضمی‌رش سر به سر
جمله با‌ی‌اد آمدش ی‌کبارگی
بازرست از جهل و از بی‌چارگی
چون به حال خود فرونگری‌ستی
در سجود افتادی و بگری‌ستی
هم چو گل در خون چشم آغشته بود
وز خجالت در عرق گم گشته بود
چون بدی‌دند آنچنان اصحاب‌نانش
مانده در اندوه و شادی مبتلاش
پی‌ش او رفتند سرگردان همه
وز پی شکرانه جان افشان همه
شی‌خ را گفتند ای پی‌برده راز
می‌غ شد از پی‌ش خورشید تو باز
کفر برخاست از ره و ای‌مان نشست
بت پرست روم شد ی‌زدان پرست
موج زد ناگاه دری‌ای قبول
شد شفاعت خواه کار تو رسول
ای‌ن زمان شکرانه ای بر عالمست
شکر کن حق را چه جای ماتمست

То кровавую слезу ронял, словно туча,
То вообще от души хотел отказаться.

То завеса небосвода сгорала от вздоха его,
То кровь закипала в венах его от раскаяния.

Мудрость и тайны, Коран и хадисы,
Что с его души были полностью смыты, —

Всё это разом на память ему пришло,
Разорвал он путы невежества и беспомощности.

Когда увидел своё состояние,
Пал на землю в поклоне, заплакал навзрыд.

Выплакал слёзы, пошла из глаз кровь вместо слёз.
От стыда весь покрылся испариной.

Когда асхабы увидели его в таком состоянии,
Впавшим в горе вперемешку с радостью,

Ринулись к нему во весь дух,
Так благодарны, что были готовы с жизнью расстаться.

Шейху сказали: «О видящий тайное за завесой,
Разогнаны облака перед солнцем твоим.

Вера заменила неверие,
Идолопоклонник Рума вернулся к Единому.

Взволновалось вдруг море признания,
Посланник стал заступником твоим.

Пришло время благодарить мир,
Благодарить Бога, не надо скорбеть.

منت ای زد را که در دری ای قار
کرده راهی همچو خورشید آشکار
آنک داند کرد روشن را سیاه
توبه داند داد با چندین گناه
آتش توبه چو برافروزد او
هرچه باید جمله بر هم سوزد او
قصه کوتاه می کنم، آن جای گاه
بودشان القصه حالی عزم راه
شیخ غسلی کرد و شد در خرقة باز
رفت با اصحاب خود سوی حجاز
دی د از آن پس دختر ترسا به خواب
کاوفتادی در کنارش آفتاب
آفتاب آنگاه بگشادی زبان
کز پی شیخ ت روان شو ای ن زمان
مذهب او گی رو خاک او بباش
ای پلی دش کرده، پاک او بباش
او چو آمد در ره تو بی مجاز
در حقیقت تو ره او گی ر باز
از رهش بردی، به راه او در آی
چون به راه آمد تو هم راهی نمای
ره زنش بودی بسی همره بباش
چند ازین بی آگهی آگه بباش
چون درآمد دختر ترسا ز خواب
نور می داد از دلش چون آفتاب

Хвала Аллаху, в море темноты и заблуждения
Сделавшему путь ясным, как солнце.

Тот, Кто может делать светлое тёмным,
Принимает покаяние, даже когда много грехов.

Огонь покаяния, который Он зажигает,
Сжигает все, что должно быть сожжено».

Сокращу я рассказ с этого места.
Пора им сейчас в обратный путь.

Шейх омовение совершил и вновь надел хирку,
Отправился вместе с асхабами в Хиджаз.⁶⁸

Снится девушке-христианке:
Взошло рядом солнце, приблизилось к ней.

Солнце вдруг заговорило:
«Беги тотчас за шейхом своим.

Прими его веру, стань прахом пред ним.
Осквернила его ты — очисти теперь!

Он искренне встал на твой путь,
Последуй и ты за ним всем своим сердцем.

Сбила его ты с пути, он пошёл за тобой,
Но раз он вернулся на свой путь — стань ему спутницей,

Иди рядом с ним, хватит тебе
Пребывать в заблуждении, очнись пора».

Когда пробудилась девушка ото сна,
Свет брызнул из сердца, словно солнечный луч.

در دلش دردی پدید آمد عجب
بی‌قرارش کرد آن درد از طلب
آتشی در جان سرمستش فتاد
دست در دل زد، دل از دستش فتاد
می‌ندانست او که جان بی‌قرار
در درون او چه تخم آورد بار
کارش افتاد و نبودش هم دمی
دید خود را در عجلایب عالمی
عالمی کاتبجا نشان راه نیست
گنگ باید شد، زبان را راه نیست
در زمان آن جملگی ناز و طرب
هم چو باران زو فروریخت ای عجب
نعره زد جامه دران بی‌رون دوید
خاک بر سر در می‌ان خون دوید
با دل پردرد و شخص ناتوان
از پی شیخ و مری‌دان شد دوان
هم چو ابری غرقه در خون (خوی) می‌دوید
دل بداد از دست بر پی می‌دوید
می‌ندانست او که در صحرا و دشت
از کدامین سوی می‌باید گذشت
عاجز و سرگشته می‌نالید خوش
روی خود در خاک می‌مالید خوش
زار می‌گفت ای خدای کار ساز
عورتی‌ام مانده از هر کار باز

Объяла сердце её дивная боль,
Взволновало её желание Истины.

В опьянённой душе вспыхнул огонь,
Обратилась она к сердцу и нашла его влюблённым.

Не ведала эта смятённая душа,
Что за семя внутри неё дало росток.

Попала в беду, некому было помочь,
Обнаружила себя в удивительном мире.

В мире без признаков дороги
Учись быть немым — язык неизвестен.

В тот же миг всё кокетство и пустое веселье
Потоком из неё вылились, о чудо!

Выбежала с криком, платье порвала,
Посыпала голову прахом и, сбивая в кровь ноги, побежала
прочь.

Сердце полно боли, и сама слаба,
Устремилась за шейхом и мюридами.

Бежала она с потерянным сердцем,
Пот лился ручьями, словно ливень в грозу.

Но не знала она в пустыне, в степи
Ни направления верного, ни дороги.

Обессилев, заблудилась, расплакалась,
Лицом тёрлась о землю в отчаянии.

Запричитала жалобно: «О всем помогающий Боже!
Я женщина, от которой ничего не зависит.

مرد راه چون تویی را ره زدم
تو مزن بر من که بی آگه زدم
بحر قهاریت رابنشان ز جوش
می ندانستم، خطا کردم، بپوش
هرچ کردم بر من مسکین مگر
دین پندی رفتم، بدین بی دین مگر
شیخ را اعلام دادند از درون
کامد آن دختر ز ترسای بی برون
آشنای بی یافت با درگاه ما
کارش افتاد این زمان در راه ما
بازگرد و پیش آن بت باز شو
بابت خود همدم و همساز شو
شیخ حالی بازگشت از ره چو باد
باز شوری در مری دانتش فتاد
جمله گفتندش ز سر بازت چه بود
توبه و چندی ن تک و تازت چه بود
بار دیگر عشق بازی می کنی
توبه بی بس نمانازی می کنی
حال دختر شیخ با ای شان بگفت
هر که آن بشنود ترک جان بگفت
شیخ و اصحابش ز پس رفتند باز
تا شدند آنجا که بود آن دل نواز
زرد می دیدند چون زر روی او
گم شده در گرد ره گی سوی او

Многих мужчин, идущих по Твоему пути, я сбила с дороги.
Ты не бей меня, потому что была я их, пребывая в неведении.

Успокой кипящее море гнева Своего,
Не знала я — и ошиблась, Ты прости.

Что бы я ни сделала, с меня, бедной, не взыщи,
Я веру выбрала, пощади неверную».

Голос объявил шейху изнутри:
«Та девушка вышла из христианства,

Осознала она Наше Божество.
На пути к Нам у неё возникли препятствия.

Вернись, встань рядом с кумиром своим,
Будь другом и спутником любимой своей».

Шейх тотчас свернул с дороги, как ветер,
Поднял он среди мюридов волнение.

Все спросили: «В чём тайна твоего возвращения,
Какова цена пустых разговоров и покаяний?»

Вновь примешься за любовные забавы,
Окунёшься в разврат после стольких покаяний?»

Шейх сообщил им то, что узнал о девушке,
И едва не умерли все, кто услышал.

Повернули обратно шейх и асхабы, шли,
Пока не добрались туда, где была услада сердца шейха.

Увидели лицо её, жёлтое, как золото,
Локоны, покрытые дорожной пылью.

برهنه پای و دری‌ده جامه پاک
بر مثال مرده‌ای بر روی خاک
چون بدی‌د آن ماه شیخ خوبی‌ش را
غشی آورد آن بت دل‌ری‌ش را
چون ببرد آن ماه را در غشی خواب
شیخ بر روی‌ش فشانند از دی‌ده آب
چون نظر افکند بر شیخ آن نگار
اشک می‌باری‌د چون ابر بهار
دی‌ده بر عهد وفای او فکند
خوی‌شتن در دست و پای او فکند
گفت از تشوی‌ش تو جانم بسوخت
بی‌ش ازین در پرده نتوانم بسوخت
برفکندم توبه تا آگه شوم
عرضه کن اسلام تا با ره شوم
شیخ بر وی عرضه‌ی اسلام داد
غلغلی در جمله‌ی یاران فتاد
چون شد آن بت روی از اهل عیان
اشک باران، موج زن شد در می‌ان
آخر الامر آن صنم چون راه ی‌افت
ذوق ای‌مان در دل آگاه ی‌افت
شد دلش از ذوق ای‌مان بی‌قرار
غم درآمد گرد او بی‌غمگسار
گفت شیخا طاقت من گشت طاق
من ندارم هیچ طاقت در فراق

Платье совсем изодрано, ноги босые,
Лежала на земле подобно трупу.

Когда заметила та луна с израненным сердцем
Своего шейха, лишилась чувств.

Пролил шейх на её лицо потоки слёз,
Пока была она в объятьях сна, в обмороке.

Очнувшись, взглянула на шейха красавица
И сама разразилась слезами, подобно утренней туче.

Перед взором её прошли его верность и любовь,
Сама бросилась ему в ноги, взяла его руки в свои.

Сказала: «Мне стыдно перед тобой, душа моя в пламени,
Больше не могу гореть за завесой.

Сбрось эту завесу, чтоб прозрела я,
Позволь мне принять ислам,⁶⁹ перед тем как умру.

Когда шейх ей прочёл шахаду,
Волнение охватило друзей шейха.

Когда увидела красавица свет истины,
Потоки слёз они пролили:

Наконец-то красавица нашла свою дорогу,
Насладились её сердце верой.

Её упоённое сердце почувствовало
Безмерное одиночество, и не было утешителя.

Сказала: «О шейх, иссякло мое терпение,
Более не могу переносить разлуку.

می‌روم زین خاندان پر صداع
الوداع ای شیخ صنعان الوداع
چون مرا کوتاه خواهد شد سخن
عاجزم، عفوی کن و خصمی مکن
ای‌ن بگفت آن ماه و دست از جان فشانند
نی‌م جانی داشت برجانان فشانند
گشت پنهان آفتابش زی‌ر می‌غ
جان شی‌ری‌ن زو جدا شد ای دری‌غ
قطره‌ای بود او دری‌ن بحر مجاز
سوی دری‌ای حقیقت رفت باز
جمله چون بادی ز عالم می‌روی‌م
رفت او و ما همه هم می‌روی‌م
زی‌ن چنی‌ن افتد بسی در راه عشق
ای‌ن کسی داند که هست آگاه عشق
هرچه می‌گوی‌ند در ره ممکنست
رحمت و نومی‌د و مکر و ای‌منست
نفس ای‌ن اسرار نتواند شنود
بی نصی‌بی گوی نتواند ربود
ای‌ن بگوش از جان و دل بای‌د شنید
نه به نقش آب و گل بای‌د شنید
جنگ دل با نفس هر دم سخت شد
نوحه‌ای در ده که ماتم سخت شد

Ухожу из этого мира, полного горя,
Прощай, о шейх Санаан, прощай!

И речь моя будет краткой,
И сама я слаба, прости меня и не держи обиды».

Промолвила эти слова та луна и отдала Богу душу.
Половина души у неё осталась⁷⁰ — и всё отдала Любимому.

Скрылось её солнце за тучей,
Отделилась от неё сладкая душа, какое горе!

Была она чистой каплей в этом мире лжи,
В сторону моря правды отправилась.

Как ветер, уйдём мы из этого мира,
Ушла она, и мы все уйдём.

Так было много раз на дороге любви,
Это известно тому, кто познал любовь.

Всё, о чём поведано, возможно на этой дороге:
Милость и отчаяние, обман и счастье.

Нафс⁷¹ человека глух к этим тайнам,
И слабому не победить врага.

Эти тайны постигаются душой и сердцем,
Их не поможет понять красота глины и воды⁷².

Битва сердца с нафсом с каждым мигот трудней.
Пой горькую песнь, ибо скорбь станет ещё тяжелей.

Примечания

¹ مصیبت نامه، ص. ۳۶۷، دکتر نورانی وصال، انتشارات زوار،
تهران. ۱۹۷۷

(«Мосибат наме», стр. 367, Dr. Nogani Vesal, изд-во «Завар», 1977, Тегеран.) Здесь и далее, если не оговорено особо, — примечания переводчика.

² Аттар имеет в виду пророка Мухаммада.
³ اسرار نامه، ص. ۱۹۳، سید صادق گوهری، انتشارات صفی علیشاه
تهران. ۱۹۴۹.

(«Асрар наме», стр. 193, изд-во Сафи Али Шах, 1949, Тегеран.)

⁴ Бади ал-Заман Форузанфар (1897–1970) — авторитетнейший историк персидской литературы.

⁵ По мнению других историков, Аттар родился между 1148 и 1151 годами по Р.Х.

⁶ «Низами» — учебное заведение, впервые организованное в Багдаде, в чём-то подобное университетам. «Низами» отличалось высокими требованиями к абитуриентам, а преподавали в нём лучшие учёные самых разных отраслей знания. Со временем по багдадскому образцу подобные заведения и под тем же названием были организованы во многих городах, а «Низами» в Нишапуре затмило багдадское по качеству подготовки слушателей.

⁷ Большинство биографических и исторических подробностей, связанных с жизнью и творчеством Аттара, мы приводим в соответствии с объёмным исследованием, опубликованным проф. Форузанфаром в Тегеране в 1960–1961 гг.

⁸ Туси — краткое имя-прозвище Абу Джафара Мухаммада ибн Мухаммада ибн Хасана, писателя, математика, создавшего в Мараге (Иран) колоссальную библиотеку и мощнейшую астрономическую обсерваторию своего времени.

⁹ Мусульманское право.

¹⁰ Ирфан, или «познание» — монотеистический генезис, родившийся на почве исламской культуры примерно через сто лет после смерти пророка Мухаммада, то есть вскоре после завершения периода правления четырёх праведных халифов — Абу Бакра, Омара, Османа и Али, в начале правления Омавидов. Возникновение ирфана было реакцией на две оформившиеся в то время в исламской общине тенденции. Первая — это резкое усиление привязанности многих мусульман к материальной стороне человеческой жизни, а вторая — появление религиозных школ, стремившихся толковать Коран и принципы ислама по-своему. В этой духовной дисциплине восстанавливался смысл джихада как священной войны с самим собой. Стержнем ирфана является положение о возможности приближения к Истине путём «созерцания сердцем» и божественного откровения, которое может быть даровано «идущему», т.е. ищущему. Марифат — особая наука, основанная на ирфане, формулирующая задачу самопознания и помогающая решать эту задачу. Иными словами, ирфан представлял собой школу самопознания. Согласно хадису, передача которого восходит к имаму Али, четвёртому праведному халифу, пророк Мухаммад говорил: «Тот, кто познал самого себя — познал своего Господа» («маи арафа нафси фагад арафа рабби»). По мнению арифов, постичь истину невозможно логическим умом. Это возможно сделать только сердцем, находящимся в любви к Творцу. При этом обязательным является соблюдение принципов шариата, как для начинающих, так и для тех, кто смог обрести ту или иную степень духовного совершенства. Ариф, не соблюдающий эти принципы, не является истинным идушим.

¹¹ Ханака — специально отведённое место для интенсивной практики и собраний суфиев и дервишей.

¹² Шерстяной плащ, суфийское облачение.

نفحات الانس، ص ۵۹۹، مهدی توحیدی پور، انتشارات مهر، تهران¹³
(«Нафахат ул'-онс», стр. 599, изд-во Тухиди Пур, Мехд,
Тегеран.)

شرح احوال و نقد و تحلیلی اسرار شیخ فرید الدین محمد عطار¹⁴
نیشابوری، ص. ۶، چاپ دوم، ۱۹۷۴، تهران

(«Шархе ахваль ванаге в тахлиле асаре шейх Фаридод-
дин Мохаммад Атгар Нишапури», стр. 6, изд. 2-е, 1974,
Тегеран.)

¹⁵ Об Увайсе Герани [Карани] см. Худжвири. «Раскрытие
скрытого», М.: 2004. — *Прим. изд.*

¹⁶ Абд Аллах Ал-Ансари ал-Харави (1006–1089), извест-
ный суфийский учитель родом из Герата. В 1026 г. учился
в Нишапуре.

¹⁷ Ал-Худжвири Абу-л-Хасан (ум. между 1072 и
1077 гг.) — автор первого на персидском языке система-
тического труда по суфизму. Родом из Газны, квартал
Худжвира. Ссылки на него находим и у Атгара в «Тазка-
рат ол-аулийа».

¹⁸ Об Абу Саиде Аби'ль-Хайре см. Худжвири. «Раскрытие
скрытого», М.: 2004. — *Прим. изд.*

¹⁹ Сборник Атгара 724–726 гг. Тази Тафазоли, 1962.

²⁰ مناقب العارفين، ص. ۵۸۲، تهران، تحسین یازجی

(«Манегболарефин», стр. 582, Тахсин Язиджи, Тегеран.)

²¹ «Господин». Имеется в виду Джалал ад-Дин Руми
(1207–1273) — знаменитый персидский поэт-мистик,
основатель суфийского ордена Маулавийа.

²² Саид Нафиси (1899–1966) — известный иранский ли-
тератор и литературовед.

²³ Такой вариант перевода названия книги предпочти-
тельнее прочих. Атгар пишет: «Я поведал тебе о языке
птиц, о несведущий. Среди влюблённых есть птицы, по-
кидающие свою клетку ещё до своей смерти. Но у этих
птиц особый язык, и разговор об этом ведётся не в кни-

гах. В присутствии Симурга только тот создаст эликсир жизни, кто знает птичий язык».

²⁴ Почти все авторы, пишущие об Атгаре, повторяют данную версию легенды. В этом виде она взята из критического издания Атгара, опубликованного в Тегеране под редакцией Ахмеда Хатами.

²⁵ Эту дату приводит Форузанфар.

²⁶ Духовный наставник, суфийский учитель.

²⁷ Кааба — главное святилище ислама, храм кубической формы в центре главной мечети Мекки.

²⁸ «Идущий», т.е. суфий, находящийся в начале мистического пути.

²⁹ Хаджж — один из столпов ислама, предписанное мусульманам паломничество к святыням Мекки и совершение обязательных обрядов в месяц зуль-хиджжа по хиджре.

³⁰ Малое паломничество, совершающееся добровольно в любое время, в отличие от большого хаджжа.

³¹ «Сунна» переводится как «проторённый путь», «пример», «обычай». Мусульманин должен в своей жизни следовать пути, примеру пророка Мухаммада. Сунну составляют хадисы — рассказы о словах и поступках Мухаммада.

³² Предводители других суфийских братств.

³³ Имеется в виду, что их знания не сравнимы со знаниями Санаана.

³⁴ Карамат — способность совершать чудеса. Макам — распространённый суфийский технический термин того времени, означающий «стоянка», «основное состояние». Макаmat — знание стоянок и умение вести ищущих от стоянки к стоянке.

³⁵ Сподвижники и последователи.

³⁶ Византия.

³⁷ Йусуф (библейский Иосиф) — персонаж Корана, праведник и пророк, брошенный в детстве родными брать-

ями в колодец из-за ревности. «Достигнутое шейхом» Аттар сравнивает с появлением у пророка Йакуба (библейского Иакова) давно ожидаемого им сына Йусуфа. По воле Аллаха Йусуф выжил и стал пророком.

³⁸ Бейт допускает несколько трактовок, связанных со значением слова «рухулла». Аттар мог иметь в виду Иисуса, что даёт особое звучание этих строк: в Коране Иисус назван душой Аллаха. Несомненно, при этом Аттар говорит и о душе обычного человека.

³⁹ Зуннар — широкий пояс определённого цвета, который, в отличие от узкого пояса мусульман, носили христиане в знак принадлежности к христианству. Интересно отметить, что у более поздних суфиев зуннар получил символическую окраску, о чём можно прочесть в соответствующих источниках.

⁴⁰ Иса — кораническое имя Иисуса.

⁴¹ Расхожее выражение того времени. «Кровь в печени» — так говорили о тяжелой, изматывающей болезни.

⁴² «Ночное нападение на спящее войско» — классическое аллегорическое указание на необходимость повышать бдительность, когда возникает объективная слабость, иногда действительно связанная с обычным физическим сном.

⁴³ Дословно: свой макам, т.е. «стоянку» в суфийской терминологии. Шейх добровольно принял испытание бременем любовных мук, поняв, что иначе следующие макамы ему никогда не будут доступны.

⁴⁴ Санаан рассматривает всю совокупность обстоятельств: своё состояние, мюридов и девушки, событийную канву, — иными словами, анализирует тотальный фон происходящего, опираясь на известные ему принципы. При этом он видит, что каких-то элементов не хватает, какие-то в избытке, и находится в растерянности.

⁴⁵ Судный день, когда все завесы спадут, а человек останется безо всех ложных опор. Сан'ан также не видит для себя опоры.

⁴⁶ Санаан уподобляет себя то умирающему, то уже умершему, то воскресающему.

⁴⁷ Дословно: всем, что совесть объедалет, всем «намусом», т.е. шейху становится безразлично дальнейшее — совесть его чиста.

⁴⁸ Михраб — ниша в мечети, показывающая кыблу — направление молитвы. У правоверных это направление — в сторону Мекки.

⁴⁹ Дэв — злой дух в иранских преданиях.

⁵⁰ В прямом значении можно читать как «нищенскую суму». В то же время обыгрывается бывшее тогда в употреблении выражение «сшить мешок», означавшее «надеяться на что-либо, полагаясь на слухи, непроверенные данные и т.п.».

⁵¹ В обряде погребения в исламе используется камфара.

⁵² «Бот» в персидском имеет ряд значений: красавица, внешняя красота, кумир, идол, истукан. В оставшейся части перевода для более точного восприятия текста всегда, когда употребляется одно из этих значений, лучше иметь в виду неявное наличие и всех остальных.

⁵³ Богословский толк, школа в исламе.

⁵⁴ По обычаям тех мест и того времени женщинам-христианкам не предписывалось обязательно закрывать волосы.

⁵⁵ Один из многих бейтов с неоднозначным смыслом. На первый взгляд кажется, что имеется в виду «входи в христианство». В то же время христиане — люди веры, люди Писания — отнюдь не считаются в исламе неверными. Поэтому такая категоричность, конечно, связана с желанием автора усилить некоторые акценты: антихристианских настроений у него быть не могло хотя бы потому, что Сунны шейх Аттар придерживался неукоснительно всю свою жизнь.

⁵⁶ Т.е. их веру.

⁵⁷ По мнению Атгара, первый и необходимый этап для любого человека, ищущего Истину, — закрыть сердце ото всего, кроме Бога. В строительстве древней мечети, окружившей Каабу, использовалось и дерево. Соответственно, упоминание о «досках Каабы», встречающееся в вариантах написания этого бейта, означает, что верующий должен поместить своё сердце в Каабу, или, говоря образно, закрыться этими досками так, как закрывали окна домов, переживая эпидемию, ибо другого способа выжить не оставалось.

⁵⁸ При анализе персидского текста следует иметь в виду очень распространённое в то время и в бытовом языке, и в поэзии выражение «Кааба желаний», то есть «предел стремлений». Обыгрывая это выражение, Атгар даёт нам представление о его идеях касательно дальнейшего духовного развития человека.

⁵⁹ Имеется в виду «не плодоносит».

⁶⁰ Пир кубаров — великий пир, шейх всех шейхов.

⁶¹ В то время существовала расхожая поговорка «выросли рога от удивления».

⁶² В первой строке бейта Атгар выделяет элемент случайности в идее судьбы, почему и упоминает о рогах, выросших у шейха совсем не от удивления. Во второй строке, однако, он говорит о полной predeterminedности всех человеческих деяний.

⁶³ Отсылка к сюжету с пророком Йунусом (библейским Ионой), проведшим длительное время в чреве огромной рыбы. В Коране говорится, что таким образом Аллах явил Йунусу Свою милость.

⁶⁴ В одежде из бумаги выходили на центральную площадь, когда к своей жалобе желали привлечь внимание правителя области.

⁶⁵ Синий цвет в Иране считается цветом траура.

⁶⁶ «Избранник», один из эпитетов пророка Мухаммада.

⁶⁷ Головной убор зороастрийцев, который носили и христиане тех мест.

⁶⁸ Область «Харам» в Аравии, где находятся Мекка и Медина.

⁶⁹ Девушка просит шейха о проведении обряда, позволяющего ей стать мусульманкой. Он начинается с произнесения шахады — «Нет божества, кроме Аллаха, а Мухаммад — посланник Его».

⁷⁰ Имеется в виду крайняя истощённость девушки после всех мытарств.

⁷¹ В данном контексте — чувственное начало в человеке, хотя сам термин имеет гораздо более ёмкий смысл.

⁷² «Внешняя красота» в дословном варианте перевода — красота любых форм, в том числе и форм, связанных с человеком, созданным из воды и глины.

Подписано в печать 6.07.2006 г. Формат 70x100 1/32.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Печ. л. 3. Тираж 500 экз. Заказ № 2063.

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП МО "Орехово-Зуевская типография".

г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Дзержинского, д. 1.